Проф. Гр. Л. А. Камаровскій.

ГААГСКАЯ

МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ 1899 ГОДА.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ М. В. Клюкина.
Моховая улица, домъ Венкендорфъ.
1902.

Типо-литографія Г И. Простакова, Москва, Балчугъ, д. Симонова монастыря.
№ 10315.

ЧАСТЬ I.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ РОССІИ ОБЪ ОГРАНИЧЕНІИ ВООРУЖЕНІЙ.

Предложеніе Россіи объ ограниченіи вооруженій.

Прежнія попытки —Ноты 12 августа и 30 декабря 1898 г.—Критика писателей.— Гаагская конференція, ея составъ и рѣшенія.—Вопросъ объ ограниченіи вооруженій на конференціи—Заключеніе.

I.

Истекшій годъ былъ, между прочимъ, отмѣченъ необычною конференціею въ Гаагѣ, созванною по почину русскаго Императора. Но прежде чѣмъ ознакомиться съ ея дѣломъ, не безполезно бросить взглядъ на предшествовавшія ей попытки по вопросу объ облегченіи народамъ Европы военныхъ тягостей.

Такихъ попытокъ со стороны правительствъ было сдѣлано двѣ.

Одна относится къ 1816 г. и принадлежитъ императору Александру I. Побѣдивъ Наполеона, императоръ Александръ помышлялъ даровать народамъ Европы, истерзаннымъ долгими войнами и революціями, прочный миръ. По его мысли великія державы должны были соединиться въ союзъ, который, покоясь на началахъ христіанской морали, справедливости и умѣренности, былъ бы призванъ содѣйствовать имъ въ уменьшеніи ихъ военныхъ силъ и въ поднятіи торговли и общаго благосостоянія. Тогда, казалось, нечего было бояться общей войны. Недоразумѣнія, которыя могли возникнуть, не трудно было бы при общемъ миролюбіи устранить мирными переговорами и самое «разору-

женіе должно было совершиться путемъ соглашенія и при помощи строгой честности, которымъ Европа нынѣ обязана своимъ избавленіемъ и которыя однѣ въ состояніи обезпечить ея счастье». Предложеніе объ уменьшеніи вооруженій Александръ прежде всего сдѣлалъ тогда Англіи. Весьма интересно въ этомъ отношеніи его письмо къ лорду Кестльри отъ 21 марта 1816 г. Это вызвало дипломатическую переписку между петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами. Весьма дружественная по формѣ, она не вполнѣ скрыла противоположныя точки зрѣнія на этотъ вопросъ обоихъ дворовъ. Принцъ-регентъ Англіи высказалъ мысль, что конференція изъ военныхъ уполномоченныхъ отъ правительствъ должна была бы установить для каждой державы нормальную численность арміи въ мирное время. Кестльри, однако, выразилъ по поводу этого проекта свои недоумѣнія, хотя сдержанно и въ общихъ словахъ. Къ мысли Россіи отнеслись сочувственно и прочія великія державы. Но особенно любопытна записка кн. Меттерниха о разоруженіи. Въ ней онъ доказываетъ, какъ ошибаются правительства, полагающія свою силу въ многочисленной арміи. «Истинная сила государей,—говоритъ онъ,—покоится гораздо болѣе на системѣ ихъ правленія, на принципахъ, которымъ они слѣдуютъ въ администраціи,—однимъ словомъ, на ихъ нравственномъ авторитетѣ, нежели на выставленіи сильнаго войска (un grand appareil de forces militaires)».

Далѣе предварительнаго обмѣна мыслей эта попытка не пошла: она разбилась о скрытый, но сильный антагонизмъ кабинетовъ, мятежныя теченія, скоро опять взволновавшія затѣмъ Европу, и объ общую неподготовленность умовъ къ ея проведенію *).

---

*) *Martens*„ La question du dèsarmement dans les relations entre la] Russie et l'Angleterre“ (*Revue de dr. int.*; 1894, № 6, p. 573—585).

То же самое слѣдуетъ сказать и о намѣреніи Наполеона III созвать въ 1863 г. конференцію для пересмотра вѣнскаго трактата и установленія пропорціональнаго разоруженія различныхъ военныхъ державъ Европы. Свою программу императоръ изложилъ въ рѣчи 5 декабря 1863 г. къ законодательному корпусу. «Договоры 1815 г.,—читаемъ мы въ ней,—перестали существовать. Сила вещей ихъ ниспровергла, и не пора ли съ общаго согласія совершить то, что такъ настоятельно требуется спокойствіемъ міра? Неужели соперничество великихъ державъ будетъ вѣчно мѣшать успѣхамъ цивилизаціи? Будемъ ли мы постоянно поддерживать взаимную между нами вражду этими чрезмѣрными вооруженіями? Развѣ мы не питаемъ происки крайнихъ партій разрушенія, противопоставляя разсчеты узкой политики законнымъ стремленіямъ народовъ» *).

Голосъ Наполеона III раздался въ пустынѣ, потому что его личность и политика никому не внушали къ себѣ довѣрія, а вскорѣ началась эра желѣзнаго канцлера Германіи, который, объединивъ свое отечество, еще въ большей степени увеличилъ тягости милитаризма для всего образованнаго свѣта.

Различныя общества мира, подъ давленіемъ все развивающагося милитаризма, включили въ свою программу и вопросъ о разоруженіи. Не разъ онъ подымался его членами на съѣздахъ и собраніяхъ и даже вносился ими въ палаты. Но тутъ обыкновенно изъ устъ представителей правительствъ слышался одинъ стереотипный отвѣтъ: «наши вооруженія чисто оборонительныя. Не можемъ мы, если хотимъ удержать свое положеніе, отстать въ этомъ дѣлѣ отъ сосѣдей, которые вооружаются болѣе насъ и насъ опережаютъ. Пусть же они подадутъ намъ первые добрый примѣръ».

---

*) *Revue gen, de dr. int. public*; 1898, № 5, p. 692

Къ общественнымъ дѣятелямъ стали все чаще присоединяться, въ пользу ограниченія военныхъ тягостей, и серьезные голоса ученыхъ и юристовъ. Лоримеръ, напримѣръ, горячо рекомендуетъ государствамъ пропорціональное разоруженіе, правда, по введеніи ими настоящей международной организаціи *). Въ 1887 г. Роленъ-Жекменъ предложилъ институту международнаго права, на Гейдельбергскомъ съѣздѣ, заняться изученіемъ столь неотложнаго вопроса «объ ограниченіи государствами, путемъ договора, ихъ военныхъ силъ и расходовъ» **) и при этомъ представилъ весьма интересную записку***). Къ сожалѣнію, институтъ побоялся взяться за вопросъ, который представился ему относящимся болѣе къ области политики, нежели права, хотя это мнѣніе едва-ль основательно.

II.

То, о чемъ прежде едва осмѣливались говорить лица, желавшія слыть за практическихъ и опытныхъ политиковъ, попыталась сдѣлать Гаагская конференція. Созванію ея предшествовали двѣ ноты отъ русскаго правительства: 12 августа и 30 декабря (ст. ст.) 1898 г.»****).

Первая изъ нихъ съ большою смѣлостью и въ яркихъ чертахъ изображаетъ духовный и матеріальный вредъ для современнаго общества отъ непрерывнаго роста вооруженій и признаетъ безплодною господствующую до нынѣ политику, направленную только къ образованію могущественныхъ союзовъ и

---

*) *Lorimer*: „Principes de droit international“ Trad. par. E Nys. 1885, p. 326.

**) *Annuaire de l'institut de dr. int* Vol. IX (1888), p. 337, sv.

***) Переведена въ извлеченіи въ сборникѣ: *Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ*, 1899 г., стр 515 и сл.

****) Обѣ онѣ напечатаны въ назв. сборн. стр. IX—XI и 324—328.

къ увеличенію собственно военныхъ силъ. «Если бы такое положеніе продолжилось,—читаемъ мы въ этой нотѣ,—оно роковымъ образомъ привело бы къ тому бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и передъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка».

Поэтому «Императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно *для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ, и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.* Таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ».

Заключая въ идеѣ цѣлую программу мира нота 12 августа ни въ какія подробности не входитъ и никакихъ предложеній не дѣлаетъ, кромѣ созванія конференціи для обсужденія важной, поставленной Россіею задачи. Но самая задача выражена очень обще и широко.

Впечатлѣніе, произведенное этою нотою на населеніе, было огромное: никто ея не ожидалъ и толкамъ по ея поводу не было конца. Сочувственно отнеслись къ ней государства второстепенныя, но, къ сожалѣнію, не они держатъ миръ въ своихъ рукахъ. Иначе взглянули на дѣло великія державы: за обычными фразами дипломатической вѣжливости, онѣ не скрыли нѣкоторой холодности и даже враждебности къ предложенію, что проявили собственно въ послѣдующихъ затѣмъ дѣйствіяхъ, увеличеніемъ военныхъ кредитовъ, созданіемъ новыхъ дипломатическихъ инцидентовъ и т. п.

Русское правительство, однако, несмотря на такія неблагопріятныя предзнаменованія, не отказалось отъ своего намѣренія. Во второй нотѣ гр. Муравьева къ державамъ, отъ 30 декабря, оно выставило программу занятій предположенной имъ конференціи. Не отличаясь систематичностью, программа эта

сводится къ тремъ главнымъ пунктамъ: 1) ограниченіе вооруженій; 2) смягченіе способовъ веденія и орудій войны, и 3) улучшеніе мирныхъ способовъ окончанія споровъ между государствами.

По первому пункту наше правительство предлагаетъ державамъ: *соглашеніе*, которое *опредѣлило бы на извѣстный срокъ сохраненіе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ на военныя надобности*. Кромѣ того, оно рекомендуетъ: «*предварительное изученіе средствъ*, при помощи коихъ могло бы *въ будущемъ* осуществиться даже *сокращеніе* означенныхъ военныхъ силъ и бюджетовъ».

Во второмъ отдѣлѣ предлагаются: запрещеніе употребленія нѣкоторыхъ *новыхъ* особенно разрушительныхъ *оружій* и *веществъ*, *пересмотръ Брюссельской декларации* 1874 г. о законахъ и обычаяхъ войны и примѣненіе къ *морскимъ войнамъ* постановленій *Женевской конвенціи* 1864 г., на основаніи *дополнительныхъ* къ ней *статей* 1868 г. (не утвержденныхъ правительствами).

Третья часть программы рекомендуетъ: «примѣненіе, въ подходящихъ случаяхъ, *добрыхъ услугъ*, *посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства* съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ между государствами столкновеній, соглашеніе *о способахъ примѣненія* этихъ средствъ и установленіи *однообразной практики* въ ихъ употребленіи».

Затѣмъ сдѣлана оговорка, что конференціи не будутъ подлежать: «всѣ споры, касающіеся политическихъ соотношеній государствъ и существующаго на основаніи договоровъ порядка вещей». Эта программа на первый же взглядъ поражаетъ своею обширностью и сложностью. Не одной, а многимъ конференціямъ было бы поработать надъ ея осуществленіемъ. При многочисленности и спорности выставленныхъ въ ней предметовъ случилось то, чего и можно было опасаться: пункты второстепенные, но

отчасти уже рѣшенные, отвлекли вниманіе делегатовъ отъ вопросовъ болѣе важныхъ и отъ главной цѣли конференціи, какъ она была поставлена въ нотѣ 12 августа.

III.

Между тѣмъ, въ долгій промежутокъ времени, прошедшій между первою русскою нотою и созваніемъ конференціи (съ августа—по май) явилась объ этой конференціи и ожидавшей ее задачѣ цѣлая литература. Въ ней часто читателя поражаетъ скороспѣлость и односторонность сужденій. Грустно сознаться: сколько ни толкуютъ и ни пишутъ о мирѣ въ наши дни, но, очевидно, эта великая идея еще мало и смутно проникла въ общественное сознаніе. Защитниковъ войны не мало, хотя по большой части они повторяютъ старые, избитые доводы, а великая проблема разоруженія даже не ставится какъ слѣдуетъ*).

Изъ многочисленныхъ статей, вызванныхъ предложеніемъ Россіи, насъ особенно интересуютъ критическіе о немъ отзывы интернаціоналистовъ. По характеру своихъ спеціальныхъ занятій они особенно близки ко всѣмъ вопросамъ войны и мира и имъ болѣе всего приходится изучать ихъ на основаніи принциповъ

---

*) Назовемъ хотя нѣсколько новѣйшихъ интересныхъ статей, относящихся къ занимающему насъ вопросу *Тихомировъ*: „Вѣчный миръ въ философскомъ проектѣ Канта (*Богословскій Вѣстн.* 1899 г, № 3 и 4 и отд. брош.). Дѣльный разборъ работы Канта, не утратившей значенія въ наши дни. *Гессенъ*: „О вѣчномъ мирѣ“ (*Журн. Мин. Юст.* 1899 г., № 4). Авторъ—горячій поборникъ мира. *Алексѣевъ* „Россія въ вопросѣ о разоруженіи“ Авторъ капитанъ генер. штаба, это публичная лекція, читанная имъ въ штабѣ моск. воен. окр. въ янв. 1899 г. Въ ней много интересныхъ новѣйшихъ данныхъ о тягостяхъ милитаризма. *Delbruck*: „Zukunftskrieg und Zukunftsfriede (*Preuss. Jahrbucher*, 1889 Mai) защита войны и милитаризма *Слонимскій* „Вооруженный миръ и проекты разоруженія“ (*Вѣстн. Евр.* 1898 г., окт.), неудачный разборъ труда *Бліоха*: „Будущая война“. *Его же*. „Война и идея мира“ (тамъ же, 1899 г, ноябрь).

справедливости и общаго блага народовъ. Выходящій въ Парижѣ журналъ *Revue générale de droit international public* помѣстилъ обстоятельные, сдѣланные такими лицами разборы обѣихъ русскихъ нотъ. Въ первомъ изъ нихъ [1]), кромѣ отзыва редакціи, мы находимъ еще мнѣнія извѣстныхъ знатоковъ международнаго права [2]): Германіи (Штёрка), Австріи (Ламмаша), Франціи (Деспанье, Мериньяка, Руаръ-дё-Каръ), Италіи (Брузы, Фіоре), Испаніи (Оливара), Сербіи (Веснича) и Швейцаріи (Дроза). Къ нимъ слѣдуетъ еще причислить Шлифа и Дежардена [3]).

Постараемся возможно кратко ознакомиться съ ихъ мнѣніями: отличаясь въ цѣломъ характеромъ отрицательнымъ по вопросу о разоруженіи, они хорошо освѣщаютъ съ разныхъ сторонъ предстоявшія Гаагской конференціи задачи и взаимно себя дополняютъ.

Ламмашъ (проф. въ Вѣнѣ) признаетъ невозможнымъ какое-либо опредѣленіе хотя относительнаго сокращенія сухопутныхъ или морскихъ силъ государствъ, а равно установленіе контроля за выполненіемъ такого обязательства, ибо наблюдательная коммиссія, которая была бы для этого учреждена, была бы скоро обречена на полное бездѣйствіе, вслѣдствіе нескончаемыхъ раздоровъ, которые не преминули бы возникнуть въ собственной ея средѣ. Тѣмъ не менѣе созывъ конференціи, предложенной Россіею, будетъ полезенъ уже тѣмъ, если, благодаря ей, вой-

---

[1]) *La question du désarmement et la note du Tsar Nicolas II* (назв. журн. 1898 г., № 5). Вторую ноту разбираетъ статья, помѣщенная въ томъ же журналѣ за 1899 г., № 1: *La question du désarmement, circulaire du Comte Mouravieff* du 30 décembre 1898 Она принадлежитъ перу Лапрадель, проф. въ Гренобле и даетъ много библіографическихъ указаній Отличается рѣзкимъ отрицательнымъ отношеніемъ ко всей программѣ Россіи.

[2]) Они почти всѣ члены института международнаго права.

[3]) *Schlief*: „Die Petersburger Kundgebungen und die Völkerrechtswiss". (*Archiv f. Orff. Recht.* 1899, № 2). *Desjardins* „La conférence de la Haye et l'arbitrage internationai" (*Revue des Deux Mondes*, 1899, 1 Sept.).

детъ въ сознаніе правящихъ лицъ и круговъ, что дѣйствительно Европа достигла нынѣ въ своихъ вооруженіяхъ крайнихъ предѣловъ и пора ей, наконецъ, остановиться на этомъ пути. Но желаемая тутъ реформа можетъ совершиться безъ всякихъ формальныхъ обязательствъ со стороны правительствъ и безъ какихъ бы то ни было ручательствъ относительно ея обезпеченія на практикѣ. Пусть только государственные люди помнятъ и примѣняютъ основной принципъ всякой морали и въ особенности христіанской, поведшій къ созданію международнаго права и гласящій: не дѣлай другимъ того, что себѣ не желаешь. Утвердится этотъ принципъ, какъ слѣдуетъ, въ ихъ совѣсти, и разоруженіе совершится безъ помощи искусственныхъ и положительныхъ мѣропріятій, неотразимою силой убѣжденій, по требованію совѣсти.

Безспорно, поднятіе *нравственнаго уровня* очень важное условіе для улучшенія и международныхъ сношеній; работать въ эту сторону должно, но достигаемые этимъ путемъ результаты медленны и частичны, а реформа, насъ занимающая, требуетъ мѣръ серьезныхъ, быстрыхъ и именно въ юридическомъ направленіи, а не только въ сферѣ внутренней мысли и жизни людей Самъ Ламмашъ какъ бы это признаетъ, высказывая такую оговорку: „впрочемъ, если бы всѣ правительства отнеслись къ идеѣ разоруженія съ тѣми же искренностью и безкорыстіемъ, съ которыми она предложена русскимъ императоромъ, ея конечное торжество не подлежало бы сомнѣнію.“

По мнѣнію *Оливара* (бывшаго члена кортесовъ и проф. въ Мадридѣ), слѣдовало бы присоединиться къ мысли Бара [1]) и учредить международную юридическую академію, которая отъ имени науки высказывала бы свои мнѣнія по всѣмъ международнымъ спорамъ, сообразно съ принципомъ справедливости. Ея

---

[1]) *Bar.* въ Берлинскомъ изд *Nation* отъ 15 окт. 1898 г

спокойный, но авторитетный голосъ лучше всего разсѣивалъ бы происки тѣхъ, которые сѣютъ смуты изъ корыстныхъ и честолюбивыхъ видовъ. Было бы полезно также установлять перемирные сроки, въ теченіе которыхъ не прибѣгать къ оружію, но всячески стараться объ улаженіи тѣхъ споровъ, которыми пытаются вызвать войну.

Мысль Оливара объ *ученой академіи*, которая разсматривала бы споры между государствами, не новая, и отчасти осуществляетъ институтъ международнаго права, основанный въ 1873 г. и успѣвшій уже проявить самую широкую и плодотворную дѣятельность во всѣхъ областяхъ международной жизни. Правда, онъ—учрежденіе не правительственное и спеціально разсмотрѣніемъ споровъ между государствами не занимается, хотя, по своему уставу, онъ призванъ, между прочимъ, „содѣйствовать, въ предѣлахъ своей компетенціи, охранѣ мира; разсматривать могущія возникнуть прекаканія относительно толкованія или примѣненія права и высказывать юридически-мотивированныя мнѣнія въ случаяхъ сомнительныхъ или спорныхъ; вообще заботиться о торжествѣ началъ справедливости, долженствующихъ управлять сношеніями народовъ“.

Но самымъ рѣшительнымъ и *принципіальнымъ* противникомъ русскаго предложенія выступаетъ *Штёркъ* (проф. въ Грейвсвальдѣ) [1]) Ни общее, ни частичное разоруженіе, по его словамъ, невозможно и не желательно. Излюбленная фельетонами формула „долой оружіе“! представляется ученому нѣмцу продуктомъ женской (!) логики и къ жизни совершенно непримѣнимой. Госу-

[1] Онъ свои мысли изложилъ и на нѣм. яз. въ статьѣ „Russlands Abrüstungsvorschlag und das Völkerrecht“ (*Deutsche Juristenzeitung* въ началѣ дек. 1898 г.). Вообще изъ Германіи раздались голоса наиболѣе враждебные идеѣ разоруженія (Штёрка, Бара, Дельбрюка, Шлифа и мн. др.). Неудивительно: Германія объединилась благодаря прусской военной системѣ и она нынѣ главная причина и оплотъ милитаризма. Все это до первыхъ крупныхъ военныхъ неудачъ или до экономическаго разоренія.

дарство нейтрализованное уже перестало быть первоклассным, ибо оно лишено въ юридической сферѣ силы, которая вытекаетъ изъ свободы принимать любыя рѣшенія. Нельзя безнаказанно предоставлять собственную судьбу на усмотрѣніе ближняго. Государство, не опирающееся на древнее правило: Dieu est mon épée, но полагающееся на добрую волю чужеземцевъ, утратившее собственный центръ тяжести въ себѣ самомъ, такое государство (потерпѣло-бы самое тяжкое умаленіе право-и дѣеспособности capitis diminutio).

Европа разоруженная и замиренная предполагаетъ существованіе какой-либо внѣ ея стоящей державы, достаточно сильной для обезпеченія ей мира и признаннаго statu quo. Такими державами могли бы быть: Англія, Россія и Турція (!). Но непрочность подобной комбинаціи подтверждаетъ такой примѣръ бывшаго германскаго союза, въ составъ котораго только нѣкоторыми частями входили Австрія, Пруссія, Данія и Нидерланды, другими же частями своихъ владѣній бывшія не нѣмецкими державами. Европейскія государства доселѣ еще слишкомъ мало между собою связаны, матеріально и духовно, для разоруженія. Для такой реформы невозможенъ былъ бы и никакой международный контроль: онъ только страшно развилъ бы шпіонство и безъ того столь процвѣтающее въ наши дни. Государства неограниченныя всегда могли бы увеличивать свои вооруженія тайно при отсутствіи у нихъ настоящаго общественнаго контроля, практикуемаго палатами.

Но и частичное разоруженіе также, если не болѣе, неосуществимо. Къ военнымъ силамъ государствъ относятся не одни ихъ войска и крѣпости, а цѣлый рядъ условій и факторовъ общественной жизни, между собою несоизмѣримыхъ. Любопытно, почти тѣ же аргументы противъ предложенія Россіи выставилъ, какъ увидимъ далѣе, на Гаагской конференціи делегатъ Германіи, полковникъ Шварцгофъ. Реформа эта даже могла бы быть опасна для

нашего времени. Милитаризмъ не источникъ экономическихъ бѣдствій, а только одинъ изъ ихъ симптомовъ. Зло лежитъ гораздо глубже въ нашемъ общественномъ организмѣ и ни одинъ смертный не въ состояніи его излѣчить, поражая только его проявленія. Словомъ, non liquet.

По поводу этой искусно изложенной, но сильно преувеличенной, въ отрицательную сторону, аргументаціи можно замѣтить: извѣстное, разумно проведенное ограниченіе вооруженій не сдѣлало бы государства безсильными и игралищами въ чьихъ-то чужихъ рукахъ. Напротивъ, это возвысило бы ихъ культурный вѣсъ и силу. А вслѣдствіе этого явилась бы возможность для нихъ взаимнаго и свободнаго контроля надъ дѣломъ, добровольно и добросовѣстно ими самими задуманнымъ и проведеннымъ. Нельзя же видѣть въ пріемахъ турецкой дипломатіи, столь искусившейся въ обманахъ и оттяжкахъ, идеалъ для европейскихъ кабинетовъ! Гдѣ и въ чемъ корень общественнаго зла, Штёркъ не говоритъ; никто въ предлагаемой реформѣ не видитъ помощи отъ всякихъ бѣдствій, но, безспорно, милитаризмъ такой ихъ симптомъ, что съ уменьшеніемъ его будетъ легче бороться и съ самою ихъ внутреннею и настоящею причиною.

Препятствія *политическаго* рода выдвигаютъ другіе оппоненты *Деспанье* [1]) и *Весничъ* [2]). Оба раздѣляютъ государства Европы, по ихъ современному политическому положенію, на двѣ группы. Одни изъ нихъ за послѣднее время ничего не теряли и имъ нечего возстановлять свое нарушенное право; ограниченіе вооруженій прямо въ ихъ выгодѣ и не грозитъ никакимъ ихъ интересамъ. Другія, напротивъ, подверглись расчлененіямъ, противъ которыхъ всею силою вопіетъ ихъ оскорбленный патріотизмъ Въ такомъ положеніи, по Деспанье, находятся Испанія и Фран-

---

[1]) Проф. въ Бордо.

[2]) Проф. въ Бѣлградѣ.

ція. Политическій организмъ Франціи будетъ продолжать истекать кровью, пока ему не возвратятъ Эльзасъ-Лотарингіи. Отторженіе этихъ провинцій въ 1871 г. нанесло непоправимый ударъ единству Франціи. Со времени революціи она является носительницею идеи о государствѣ, какъ объ одномъ цѣломъ, основанномъ на общей волѣ населеній; не можетъ она понять произвольнаго распоряженія народами вопреки ихъ волѣ и ради этой идеи; безъ всякой пользы для себя она проливала свою кровь и расточала золото въ Греціи, Бельгіи, Италіи. Уваженіе воли народовъ,—говоритъ авторъ,—вотъ по нашему основной принципъ публичнаго права Европы; вооружаясь за его торжество или возстановленіе, мы боремся за право, за все то, что, по нашему глубокому убѣжденію, благо и спасенье человѣчества, такъ же какъ мы были склонны работать ради счастья міра надъ осуществленіемъ дѣла разоруженія. Общественное мнѣніе у насъ не ошиблось, но сейчасъ же признало въ вопросѣ объ Эльзасъ-Лотарингіи главный подводный камень для московскаго проекта. Если бы въ самомъ дѣлѣ этотъ вопросъ не былъ рѣшенъ, согласно нашимъ желаніямъ, намъ пришлось бы или разоружиться и сразу отказаться отъ требованій, въ которыхъ мы видимъ сущность нашего воззрѣнія на международное право, или же торжественно заявить о несокрушимомъ намѣреніи настоять на этихъ требованіяхъ и занять, вслѣдствіе этого, спѣшно и не ко времени такое положеніе, изъ котораго можетъ возникнуть необходимость еще большихъ вооруженій, или даже открытіе враждебныхъ дѣйствій.

Но это не мѣшаетъ Деспанье мѣтко выставить печальную сторону переживаемаго нами „вооруженнаго мира“. Характеризуясь, въ сущности, вѣчною взаимною угрозою народовъ другъ другу, онъ ихъ разоряетъ и деморализуетъ. Продолжая такъ жить, мы среди нашей, яко бы столь развитой цивилизаціи, возвращаемся къ быту дикихъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ

постоянно высматриваютъ, не появится ли гдѣ-нибудь на горизонтѣ нечаянный врагъ, между тѣмъ какъ ихъ духъ, недоступный другимъ заботамъ, остается погруженнымъ въ мракъ варварства. Конечно, пользуясь громадными результатами нашей цивилизаціи, мы себя обманываемъ и полагаемъ, что не перестаемъ идти впередъ по пути нравственнаго, промышленнаго, художественнаго и научнаго развитія, но слѣдуетъ остерегаться; понемногу всѣ наши силы стягиваются къ одному пункту: защищаться или нападать. Милитаризмъ, благодаря той формѣ, которую онъ нынѣ принялъ, поглощаетъ личности и духъ народовъ; питаемый имъ культъ матеріальной силы ведетъ къ его преобладанію надъ всѣмъ и къ порабощенію всего и всѣхъ. Но это преклоненіе предъ силой, какою бы метафизикой оно ни прикрывалось, и есть варварство. Пора же, наконецъ, намъ вернуться къ нормальному представленію о войскѣ, какъ орудію законной защиты, а не превращать его въ минотавра, пожирающаго жизни и имущества, благодаря чему самый миръ становится лишь продолженіемъ войны по безполезному истребленію матеріальныхъ и духовныхъ благъ.

Отъ имени государствъ второстепенныхъ и выдвигая принципъ національности, говоритъ *Весничъ*: есть великія державы, которыя вооружаются съ цѣлью новыхъ завоеваній, или изъ взаимнаго соперничества: онѣ достигли уже своего національнаго объединенія, но стремятся къ пріобрѣтенію новыхъ колоній или къ роли вершителей судебъ въ международномъ спорѣ. Эти державы, по взаимному соглашенію, могли бы сократить свои чрезмѣрныя вооруженія безъ ущерба своимъ интересамъ. Но существуетъ другая категорія государствъ, перенесшихъ въ болѣе или менѣе недалекомъ прошломъ тяжкія бѣдствія и несправедливости. Эти государства стремятся только къ одному: къ возвращенію себѣ того мѣста, которое въ обществѣ народовъ имъ принадлежитъ по праву въ силу ихъ прошлаго значенія и т. д.

Могутъ ли они приступить къ разоруженію, не получивъ предварительно увѣренности въ удовлетвореніи ихъ законныхъ стремленій? Взгляните, наприм., на сербскій народъ. Вторженіе мусульманъ остановило его на пути славнаго историческаго роста. Четыре столѣтія провелъ онъ подъ тяжкимъ турецкимъ игомъ, а христіанская Европа не отнеслась съ сочувствіемъ къ его страданіямъ. Принадлежа къ славянамъ и къ православной церкви, сербы являлись подозрительными для католиковъ, какъ естественные союзники Россіи и какъ еретики. Лишь въ началѣ нашего столѣтія они пробудились къ новой политической жизни, но доселѣ, насчитывая отъ 8 до 10 милл. человѣкъ, находятся — фактъ безпримѣрный въ исторіи! — подъ господствомъ пяти владыкъ. Независимы они лишь въ Сербіи и Черногоріи, но подчинены игу турокъ—въ Старой Сербіи и Македоніи, австрійцевъ — въ Далмаціи, венгерцевъ—въ Кроаціи и южной Венгріи, не говоря уже о Босніи и Герцеговинѣ, юридически принадлежащихъ туркамъ, но управляемыхъ Австро-Венгріею. Несмотря на столь печальное положеніе, сербскій народъ живетъ вѣрою въ свое будущее объединеніе и сербское королевство призвано стать ядромъ этого національнаго его возсозданія.

Уменьшеніе вооруженій возможно лишь подъ условіемъ устраненія причинъ, ихъ вызывающихъ. Пока обдѣленные и оскорбленные не получатъ удовлетворенія, какъ могутъ они приступить къ этому дѣлу? Но для достиженія предлагаемой реформы существуетъ только одно средство: обратиться къ справедливости. Ея то часто, къ сожалѣнію, не хотятъ сильные. Но за великимъ пиромъ народовъ есть мѣсто для всѣхъ. Будьте же справедливы и не исключайте никого. Допустите настоящее примѣненіе къ международнымъ отношеніямъ великаго принципа равенства, и тотчасъ же эти чрезвычайныя вооруженія прекратятся сами собой. До наступленія же этого момента мы будемъ вооружать даже нашихъ младенцевъ въ колыбеляхъ и скорѣе погибнемъ всѣ съ требо-

ваніями на устахъ сперва *справедливости*, а потомъ *мира*.

Выше мы видѣли, что, по заявленію русской ноты 30 декабря, вопросы спорные, политическіе, рѣшенные договорами, исключены изъ программы Гаагской конференціи. Объ этомъ можно пожалѣть и къ нимъ придется вернуться. Но надо съ чего-нибудь начать и русское предложеніе вызвано серьезнымъ практическимъ соображеніемъ: не осложнять на первыхъ порахъ и безъ того чрезвычайно труднаго, предстоявшаго конференціи дѣла. Успѣхъ его вызвалъ бы увеличеніе общаго довѣрія между державами и это помогло бы имъ обратить, между прочимъ, большее вниманіе на законныя требованія національностей, отъ чего въ значительной степени зависитъ и самое упроченіе мира, какъ внѣшняго, такъ равно и внутренняго. Но реформы эти должны идти мирно, при помощи международной организаціи, а не путемъ войнъ и революцій, т.-е. новыхъ насилій.

Представитель нейтральной Швейцаріи, бывшій ея президентъ, *Дрозъ* (Droz) указываетъ на необходимость, до приступленія къ занимающей насъ реформѣ, *нейтрализовать* тѣ пункты земного шара, которые поддерживаютъ наиболѣе острое между державами соперничество. Такая нейтрализація предполагаетъ двоякаго рода санкцію: со стороны державъ, ее установившихъ, и со стороны того, кто ей подвергнулся. Послѣднему, т.-е. самому нейтрализованному, нужно обладать достаточными волею и могуществомъ, чтобы защитить это свое положеніе.

Воззрѣніе Дроза на нейтралитетъ и его культурное значеніе противоположно теоріи Штёрка. Оно болѣе соотвѣтствуетъ природѣ современнаго цивилизованнаго государства и составляетъ, безспорно, одну изъ сторонъ проблемы мира. Дрозъ не указываетъ, какіе пункты нейтрализовать, но такими странами слѣ-

довало бы признать Данію (или также Скандинавію), Голландію, Эльзасъ-Лотарингію, Египетъ и нѣкоторыя другія.

Многіе критики русскаго предложенія не довольствуются одними отрицательными о немъ отзывами, но и выступаютъ съ предложеніями *юридической реформы* международныхъ отношеній. Въ средѣ таковыхъ особенно должно отмѣтить Фіоре и Шлифа.

Фіоре [1]) (проф. въ Неаполѣ) не разъ высказывалъ свои идеи о неотложной необходимости и о практическомъ проведеніи указанной реформы какъ въ своихъ капитальныхъ сочиненіяхъ „Трактатѣ“ и „Кодексѣ“, такъ и многочисленныхъ статьяхъ [2]). И въ настоящей замѣткѣ онъ возвращается къ этому основному вопросу и полагаетъ, что милитаризмъ проистекаетъ изъ того, что доселѣ не существуетъ юридическихъ учрежденій и способовъ, которые охраняли бы права и интересы каждаго государства и по справедливости рѣшали бы возникающія отсюда столкновенія. Надо для общества народовъ отыскать новое равновѣсіе, а не обосновывать его все на одномъ соотношеніи военныхъ силъ его членовъ. Ожидаемая конференція должна поставить себѣ цѣлью: устранивъ разсмотрѣніе всѣхъ жгучихъ вопросовъ, и въ томъ числѣ вопроса о разоруженіи, заняться опредѣленіемъ и расширеніемъ международной третейской юрисдикціи, объявивъ ее обязательною для всѣхъ государствъ въ случаяхъ, когда это только допустимо по самой природѣ споровъ. Надо ей позаботиться и о матеріальномъ правѣ, имѣющемъ прилагаться въ этихъ судахъ, о средствахъ обезпеченія рѣшеній этихъ судовъ и т. д.

---

[1]) *Fiore*: „Trattato di diritto internazionale publico“. 3 изд. 1887—91 г. „Il diritto int codificato“. 2 изд. 1898 г.

[2]) Въ особенности: „De la sanction juridique du droit international“ (*Revue de dr int.* 1898, № 1) и „L'organisation juridique de la société internationale“ (Ib. 1899, № 2 et № 3).

Въ спорахъ же болѣе сложныхъ и общихъ ей слѣдовало бы рекомендовать, для окончанія ихъ, обращеніе къ международной конференціи и высказать при этомъ правила относительно ея состава и вѣдомства. Также слѣдовало бы ей установить modus vivendi правительствъ по вопросамъ текущей колоніальной политики. Словомъ, предполагаемая конференція призвана повести далѣе дѣло, робко начатое парижскимъ конгрессомъ 1856 г. и лондонскою конференціею 1871 г., а именно: a) установить по общему соглашенію тѣ принципы права, которые должны лечь въ основаніе новаго международнаго равновѣсія, устранивъ неразумное господствующее представленіе о томъ, что сила преобладаетъ надъ правомъ, и b) объявить эти, принятыя съ общаго согласі ядержавъ, правила поставленными подъ ихъ коллективную, юридическую гарантію. Современныя вооруженія, какъ они ни тягостны, могутъ пока оставаться до проведенія этой юридической реформы. Но медлить послѣднею никакъ не слѣдуетъ. Если она не совершится путемъ эволюціи, ее произведетъ революція. Существующій порядокъ милитаризма таковъ, что онъ самъ по себѣ ведетъ либо къ потрясеніямъ новой страшной войны, либо къ соціальной революціи.

Извѣстное сродство съ мыслями Фіоре представляютъ воззрѣнія *Шлифа* [1]). Не одобряя проекта о разоруженіи, онъ полагаетъ, что государствамъ Европы прежде всего слѣдовало бы согласиться насчетъ общаго для нихъ „матеріальнаго права“, которое представляется, съ одной стороны, подобно всякому другому праву, обычнымъ правомъ, съ другой—правомъ договорнымъ. Въ то же время имъ слѣдовало бы строго опредѣлить извѣстный statu quo, разумѣя подъ нимъ не только существую-

---

[1]) Автора дѣльнаго сочиненія о мирѣ въ Европѣ (*Schlief*: „Der Friede in Europa“ 1892).

щія территоріальныя отношенія, но и разграниченіе всѣхъ ихъ матеріальныхъ и умственныхъ интересовъ. Вторымъ моментомъ международной реформы должна явиться такая же кодификація процессуальнаго международнаго права. Не введеніе третейскихъ судовъ представляется желательнымъ для автора, а созданіе настоящаго и постояннаго международнаго суда (ordentlicher Staatengerichtshof), который разбиралъ бы дѣйствительные споры о правѣ, возникающіе на почвѣ всѣми признаннаго юридическаго порядка и сообразно съ твердо установленными нормами матеріальнаго права. Собственно политическіе вопросы и нарушенія установленнаго statu quo вѣдомству его не подлежали бы и принудительной властью онъ не обладалъ бы. Таковая вообще не можетъ быть предоставлена никакой международной организаціи или никакому органу внѣ государствъ. Эта организація не претендуетъ и на вѣчность; она, кромѣ того, не отмѣняетъ войны, ибо, дѣлая возможнымъ внутри себя *мирное* измѣненіе признаннаго statu quo въ территоріальныхъ распорядкахъ, она не имѣетъ масштаба для оцѣнки войны. Война, заключаетъ авторъ, никогда не можетъ быть „юридическимъ институтомъ“ или содержать въ себѣ „формальное неправо“, она есть просто историческій фактъ, для формальнаго права не поддающійся опредѣленію вопросъ о мощи (inkommensurable Machtfrage) [1]).

Впрочемъ одну существенную оговорку дѣлаетъ Шлифъ: утверждая международную организацію на общемъ, но временномъ и основномъ договорѣ государствъ (temporarer Staatengrundvertag) съ постояннымъ судомъ, но безъ принудительной власти, онъ требуетъ, однако, со стороны участниковъ совмѣстной гарантіи этого устройства, въ силу которой признаетъ законною противъ

[1]) Подробнѣе и съ мотивами въ выше назв. соч. его о мирѣ въ Европѣ.

нарушителя его—войну, тогда превращающуюся въ юридическій институтъ (Rechtsinstitut). Лишь благодаря такой организаціи возникнетъ настоящее международное право, которое до сихъ поръ, узаконяя войну, является, въ глазахъ автора, скорѣе пародіею на право. По осуществленіи такой реформы, и лишь тогда, явится возможность—и то частичнаго—разоруженія. Приступать же къ этому ранѣе неюридично, ибо потребовало бы иноземнаго контроля надъ такими отношеніями, регулированіе которыхъ каждое суверенное государство должно предоставить себѣ одному; да и кромѣ того разоруженіе на практикѣ не можетъ быть „честно“ осуществлено, ибо затрогиваетъ столько невѣсомыхъ факторовъ, которые совершенно не поддаются опредѣленію ихъ числомъ или мѣрою.

Совершенно не раздѣляя послѣдняго утвержденія автора, въ которомъ мы видимъ (какъ и у Штѣрка и прочихъ нѣмецкихъ писателей) преднамѣренное осложненіе критикуемой ими реформы, мы полагаемъ, напротивъ, что вопросъ объ уменьшеніи вооруженій, какъ слѣдуетъ поставленный, облегчилъ бы только правительствамъ введеніе той организаціи, о которой такъ хорошо говорятъ Фіоре и Шлифъ, и долженъ былъ бы быть включеннымъ въ актъ о той организаціи, который Шлифъ не безъ основанія сравниваетъ съ установленіями Божьяго и земскаго мира въ средніе вѣка.

Изъ группы разобранныхъ нами писателей всего симпатичнѣе относится къ русскому предложенію и одобряетъ его въ принципѣ *Руаръ-де-Каръ* (проф. въ Тулузѣ). Мысли его примѣчательны по глубинѣ и смѣлости. Выставивъ въ яркихъ чертахъ тягости милитаризма и указавъ на его связь съ возрастающимъ обѣдненіемъ массъ, онъ думаетъ, что различные вопросы, враждебно раздѣляющіе донынѣ европейскія государства, могутъ быть улажены мирно и по справедливости. Таковы споры относительно

Египта, Марокко, Китая. Остается лишь щекотливый вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Но и его можно бы рѣшить удовлетворительно и сообразно съ достоинствомъ Франціи и Германіи. Для этого слѣдовало бы спросить жителей названныхъ областей [1]). Условія такого плебисцита опредѣляетъ третейскій судья, а самое голосованіе происходитъ подъ контролемъ международной коммиссіи, объявляющей о достигнутыхъ результатахъ.

Какъ сговориться насчетъ подробностей разоруженія?

Предполагая въ участникахъ будущей конференціи миролюбивое настроеніе и готовность къ взаимнымъ уступкамъ, соглашеніе ихъ направится къ слѣдующимъ пунктамъ: а) разоруженіе коснется, какъ ихъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ; оно выразится въ пропорціональномъ уменьшеніи ихъ активныхъ армій [2]) и въ совершенномъ уничтоженіи резервныхъ войскъ. b) Постоянная коммиссія изъ делегатовъ различныхъ государствъ наблюдаетъ за примѣненіемъ этой реформы и, въ случаѣ нужды, прибѣгаетъ даже къ мѣрамъ принужденія. с) Государства заботятся о томъ, чтобы лица, оставшіяся безъ средствъ къ существованію, вслѣдствіе увольненія ихъ изъ войска или прекращенія работы на многочисленныхъ заводахъ, получали либо пенсіи, либо были переселены въ колоніи для болѣе производительной тамъ дѣятельности. Чѣмъ бы ни кончила свое дѣло созываемая конференція, заключаетъ авторъ, но идея объ общемъ разоруженіи есть не утопія, а напротивъ, серьезный проектъ, заслуживающій вниманія и изученія со стороны государственныхъ людей.

---

[1]) За эту мѣру высказывается и Мериньякъ.

[2]) Это уменьшеніе должно привести ихъ къ пятой или шестой части ихъ теперешняго контингента.

Вслѣдъ за приведенными мнѣніями писателей въ той же книжкѣ *Revue* помѣщена небольшая, но интересная статья объ Эльзасъ-Лотарингіи анонимнаго, но по своему оффиціальному положенію хорошо освѣдомленнаго лица [1]). Авторъ начинаетъ съ того, что признаетъ всѣ сдѣланныя предложенія о рѣшеніи этого вопроса (обратную ихъ уступку, обмѣнъ, нейтрализацію) несостоятельными и поддерживаетъ мысль, недавно заявленную французскимъ контръ-адмираломъ Ревельеръ (Reveillère) о примѣненіи къ этимъ провинціямъ режима, котораго придерживается Англія въ управленіи нормандскими островами (Джерсеемъ, Гернсеемъ). Англія содержитъ на нихъ свой гарнизонъ и въ военномъ отношеніи они вполнѣ отъ нея зависятъ. Но въ дѣлахъ гражданскаго управленія, относительно администраціи, юстиціи, народнаго образованія и т. д., имъ предоставлена самая широкая автономія. Жители ихъ сами избираютъ всѣ мѣстныя власти безъ какого бы то ни было давленія на нихъ со стороны центральнаго правительства. То же самое примѣнить къ Эльзасу и Лотарингіи. Пусть Германія занимаетъ ихъ въ военномъ отношеніи, но пусть они будутъ объявлены нейтральными, т.-е. жителямъ ихъ будетъ воспрещено служить какъ въ нѣмецкихъ, такъ и въ французскихъ войскахъ, за исключеніемъ колоній. Они остались бы кромѣ того въ составѣ германскаго таможеннаго союза, пока, быть можетъ, въ будущемъ не возникла бы, въ видахъ противодѣйствія торгово-промышленной конкуренціи Англіи и Америки, таможенная унія между Франціею и Германіею, къ которой могли бы примкнуть—если онн, нашли бы это удобнымъ—Швейцарія, Бельгія, Люксембургъ, Голландія и даже Австрія и Россія. Но это пока мечты будущаго. Проекъ Ревельера, при

---

[1]) „La question d'Alsace-Lorraine est-elle insoluble?“ (*Revue gén de dr. int. pu l.* 1898, № 5, p. 744—749).

всей его простотѣ, имѣетъ то громадное преимущество, что удовлетворяетъ требованіямъ обоихъ противниковъ. Германія удерживаетъ свой форпостъ на лѣвомъ берегу Рейна и тѣмъ ограждаетъ себя отъ французскаго вторженія, Франція видитъ столь вѣрныхъ и дорогихъ ей эльзасцевъ наконецъ свободными и счастливыми. Конечно, и такое рѣшеніе—компромиссъ. Но развѣ онъ не предпочтительнѣе современному положенію, столь тягостному и полному опасностей въ будущемъ? Вмѣсто того, чтобъ оставаться вѣчною пропастью между противниками, не лучше ли Эльзасу превратиться въ мостъ, который бы тѣснѣе ихъ соединилъ въ интересахъ всѣхъ?

IV.

Среди такихъ противоположныхъ теченій мысли—радужныхъ ожиданій однихъ и вполнѣ скептическихъ отзывовъ другихъ—должна была приступить предложенная Россіею конференція къ трудному своему дѣлу.

Но прежде чѣмъ говорить о достигнутыхъ ею результатахъ, бросимъ взглядъ на внѣшнюю сторону ея дѣятельности и начнемъ съ мѣста ея созванія и съ ея состава. Оба эти вопроса не лишены значенія даже при оцѣнкѣ хода занятій и полученныхъ конференціею выводовъ.

По вопросу о томъ, въ какомъ *мѣстѣ* слѣдовало состояться этой конференціи, естественно представлялся выборъ между двумя комбинаціями: или въ силу международной практики, ее слѣдовало созвать въ Россіи, и именно въ Петербургѣ, или же избрать для этого одинъ изъ городовъ Швейцаріи, страны, по своему положенію, развитію и значенію давно признанной излюбленнымъ центромъ международныхъ собраній. Не сдѣлали ни

того, ни другого. Сама Россія въ нотѣ отъ 30 декабря заявила, что „мѣстомъ созванія конференіи не должна быть столица одной изъ великихъ державъ, гдѣ скрещиваются многосложные политическіе интересы, которые могли бы имѣть вліяніе на ходъ дѣла, въ одинаковой степени важнаго для всѣхъ странъ міра". Доводъ вполнѣ серьезный и свидѣтельствующій о безкорыстіи Россіи.

Съ предварительнаго согласія другихъ державъ наше правительство предложило избрать мѣстомъ для конференціи резиденцію Нидерландовъ: хотя Голландія могла претендовать на такую высокую честь, какъ родина Гуго Гроція и центръ бывшихъ въ прошедшіе вѣка на ея территоріи важнѣйшихъ дипломатическихъ переговоровъ [1]), но мы дали бы предпочтеніе передъ нею Швейцаріи, ибо въ дѣлѣ конференціи являлись важными не историческія и дипломатическія преданія прошлаго, а великія заслуги Швейцаріи передъ международнымъ правомъ въ наши дни и намѣченныя задачи будущаго.

Обращаясь къ *составу* конференціи, надо обратить вниманіе сперва на *государства,* принявшія въ ней участіе, затѣмъ на *лица,* назначенныя ими въ качествѣ делегатовъ и ихъ помощниковъ.

Въ первомъ отношеніи представлялась двоякая возможность: либо ограничиться государствами Европы, либо обратиться съ приглашеніемъ ко всѣмъ независимымъ странамъ міра. Идея

---

[1]) „На исторической почвѣ Нидерландовъ, сказалъ бар. Стааль въ день открытія гаагской конференціи, обсуждались самыя великія проблемы въ политической жизни государствъ. Здѣсь, можно сказать, возникло международное право. Въ теченіе вѣковъ здѣсь велись главнѣйшіе переговоры между европейскими державами. Здѣсь же, наконецъ было подписано примѣчательное перемиріе (trêve), положившее конецъ ихъ кровавой борьбѣ. Мы стоимъ здѣсь вполнѣ на почвѣ историческихъ преданій".

конференціи могла бы требовать послѣдняго, но серьезныя практическія соображенія рекомендовали ограниченіе задачи въ первомъ направленіи. Надо сперва государствамъ Европы сговориться и обезпечить миръ между собою для того, чтобы получить имъ возможность держать въ своихъ рукахъ и миръ вселенной. Былъ избранъ средній путь наименѣе удачный: приглашеніе было обращено „ко всѣмъ правительствамъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ дворѣ“. Поэтому при очень многочисленномъ собраніи явились, какъ увидимъ, странные пробѣлы.

На гаагскую конференцію собрались уполномоченные отъ 26 государствъ, а именно: отъ всѣхъ 20 государствъ Европы (считая въ томъ числѣ Люксембургъ и Болгарію), отъ двухъ— Америки (Соед. Штаты и Мексика) и отъ четырехъ Азіи (Персія, Китай, Японія, Сіамъ). Отсутствовали представители отъ республикъ центральной и южной Америки; отъ обѣихъ республикъ буровъ въ Южной Африкѣ, отъ папскаго престола. Трансвааль не былъ допущенъ, вѣроятно, въ угоду Англіи, о чемъ скоро пришлось пожалѣть, но если даже допустить, по конвенціи его 1884 г., нѣкоторую зависимость его отъ британской имперіи, все-таки нельзя не признать его въ цѣломъ правоспособнымъ субъектомъ международнаго права, который, какъ таковой, могъ принять участіе въ собраніи, на которое была допущена Болгарія. Участіе Ватикана было отклонено въ силу настояній Италіи, которая при неисполненіи этого ея требованія, грозила отказомъ отъ конференціи, что, быть можетъ, повлекло бы за собою уклоненіе отъ собранія и ея союзницъ, но нельзя не пожалѣть, что эти политическія соображенія одержали верхъ надъ сущностью дѣла.

Конференція въ Гаагѣ не безъ основанія назвавшая себя *конференціею мира*, не была исключительно политическимъ со-

браніемъ. Поставивъ себѣ цѣлью возможно широкое обезпеченіе мира, она не могла обойти папскаго престола. „Странная иронія!—восклицаетъ одинъ интернаціоналистъ, Кретьенъ,—посвятившій этому вопросу спеціальную статью [1]). Китайцы, турки, персы и японцы, представители современнаго полуварварства, приглашаются въ собраніе. Ихъ мнѣнія считаются полезными для обезпеченія успѣха дѣла высоко цивилизованнаго и гуманнаго, предложеннаго царемъ на разсмотрѣніе христіанскимъ народамъ, а верховный глава католической религіи, давшій Западу ея современную образованность, признается какъ бы излишнею мебелью!“

Кретьенъ старается доказать, что папа имѣлъ полное право на участіе въ конференціи въ силу неоспоримо принадлежащаго ему нравственнаго авторитета, какъ глава и руководитель 200 мил. католиковъ, на основаніи, и безъ свѣтской власти присущаго ему личнаго суверенитета (по которому онъ располагаетъ активнымъ и пассивнымъ посольскимъ правомъ, пользуется усиленною неприкосновенностью и т. д.), наконецъ, въ виду немаловажныхъ услугъ папства дѣлу мира въ прошломъ и особенно въ настоящемъ (со стороны самого Льва XIII). Возраженіе же, что при допущеніи папства пришлось бы, по принципу равенства, пригласить въ Гаагу и представителей другихъ религіозныхъ общинъ (протестантства и еврейства), авторъ устраняетъ ссылкою на то, что онѣ не имѣютъ единой организаціи и признаннаго авторитетнаго главы, какъ церковь католическая. Но въ виду политическаго характера многихъ предметовъ, обсуждавшихся въ Гаагѣ, делегату папы, по мысли Кретьена, слѣдовало

---

[1]) *Chrétien*: „La papauté et la conférence de la paix“ (*Rev. gén. de dr. int. publ.* 1899, p. 281—291).

бы предоставить на этомъ собраніи лишь совѣщательный голосъ. (Нельзя въ самомъ дѣлѣ не пожалѣть о допущеніи этой крупной ошибки и о совершенно неумѣстной тутъ близорукости Италіи [1])!

Что касается до самихъ *делегатовъ*, то гаагская конференція отличалась ихъ многочисленностью [2]), такъ какъ большинство государствъ послало на нее не по одному, а по нѣсколько представителей, составлявшихъ особыя національныя делегаціи. Въ составѣ ихъ замѣчаются три категоріи лицъ; собственно дипломаты, состоящіе на этой службѣ и главы делегацій [3]), лица военнаго и морского вѣдомства, наконецъ, нѣкоторые знатоки международнаго права [4]). Не можемъ не замѣтить, что составъ этотъ, при всей его многочисленности, заставилъ пожелать многаго: дипломаты, военные и моряки по существу дѣла отстаивали на конференціи свои узкоспеціальныя и нерѣдко устарѣвшія воззрѣнія, идущія не мало въ разрѣзъ съ понятіями нашего времени; изъ интернаціоналистовъ были выбраны либо противники предложенной реформы, либо такіе, которые относились къ ней съ нескрываемымъ скептицизмомъ. Все это и отразилось на ходѣ работъ конфе-

---

[1]) Противоположнаго мнѣнія *Zanichelli* въ „Nuova Antologia“ (16 февр. 1899) отрицающій за папою личный суверенитетъ и оправдывающій поведеніе итальянскаго правительства по отношенію къ нему въ данномъ вопросѣ.

[2]) Всѣхъ ихъ было 109 человѣкъ.

[3]) Таковыми были: отъ Россіи—бар. Стааль, нашъ посолъ въ Лондонѣ, избранный въ предсѣдатели конференціи; отъ Германіи—гр. Мюнстеръ, посолъ въ Парижѣ, отъ Австро-Венгріи—гр. Вельзерсгеймъ, начальникъ 1-го отд въ департ. мин. ин. дѣлъ; отъ Франціи—Леонъ Буржуа, бывшій президентъ совѣта министровъ; отъ Великобританіи—серъ Паунсфотъ, посолъ въ Вашингтонѣ; отъ Италіи—гр Нигра, посолъ въ Вѣнѣ, отъ Соед. Штатовъ—серъ Уайтъ, посолъ въ Берлинѣ.

[4]) Профессоры. Мартенсъ (Россія), Рено (Франція), Штенгель и Цорнъ (Германія), Ассеръ (Нидерланды), Деканъ (Бельгія).

ренціи и на полученныхъ ею результатахъ, далеко оставшихся позади первоначальныхъ, вызванныхъ ею въ обществѣ, ожиданій.

Приглашеніе на конференцію разослало нидерландское правительство: его министръ иностранныхъ дѣлъ Бофоръ, въ циркулярной нотѣ объ этомъ отъ 6 апрѣля 1899 г. [1]), просилъ различныя правительства прислать своихъ представителей въ Гаагу къ 18 мая, причемъ поставилъ имъ на видъ, что каково бы ни было число ихъ делегатовъ, каждой державѣ будетъ предоставленъ на конференціи лишь одинъ голосъ.

Это весьма важный принципъ, являвшійся, впрочемъ, только послѣдствіемъ изъ кореннаго начала равенства всѣхъ государствъ, также признаннаго на конференціи.

Нидерландское правительство приняло съѣхавшихся на его территорію почетныхъ гостей съ величайшимъ радушіемъ. Для ихъ занятій оно предоставило имъ прелестный Лѣсной домъ или дворецъ, расположенный среди парка въ окрестностяхъ Гааги.

Конференція, въ силу довольно установившейся уже практики, избрала въ предсѣдатели бар. Стааля, объявила своимъ оффиціальнымъ языкомъ французскій и постановила не публичность своихъ засѣданій. Свѣдѣнія о нихъ сообщались періодической печати отъ бюро конференціи съ разрѣшенія ея предсѣдателя. Въ виду ея не столь политическаго, сколь мирнаго и юридическаго характера, о такой мѣрѣ пришлось только пожалѣть; она лишала конференцію нужной поддержки со стороны общественнаго мнѣнія и, выражаясь въ краткихъ свѣдѣніяхъ, часто для публики непонятныхъ или неполныхъ, значительно охлаждала интересъ къ ней.

---

[1]) La conférence de la paix à la Haye (*Revue de dr. int.* 1899, p. 187—195). Тутъ же помѣщенъ и указатель документовъ, розданныхъ нидерландскимъ правительствомъ членамъ конференціи передъ началомъ ихъ работъ.

V.

Засѣданія въ Гаагѣ продолжались два съ половиной мѣсяца съ 6 (18) мая по 18 (30) іюля. Сообразно съ русскою программой были установлены три коммиссіи, которыя въ свою очередь распались на подкоммиссіи (секціи). 1. Коммиссія *разоруженія* состояла изъ трехъ секцій: войны сухопутной, морской и собственно разоруженія; II) въ коммиссію *законовъ войны* вошли секціи: по пересмотру брюссельской декларації 1874 г. о законахъ и обычаяхъ войны и относительно примѣненія къ морской войнѣ началъ женевской конвенціи 1864 г., сообразно съ дополнительными статьями 1868 г.; III) коммиссія *о посредничествѣ и третейскомъ судѣ,* не имѣя подкоммиссій, назначила редакціонный комитетъ, который и выработалъ текстъ проекта относящейся къ ней конвенціи.

Результаты работъ этихъ коммиссій выразились въ слѣдующемъ: конференція выработала: I. *Три конвенціи:* 1) о мирномъ рѣшеніи международныхъ споровъ; 2) о законахъ и обычаяхъ войны на сушѣ; 3) о примѣненіи къ морской войнѣ началъ женевской конвенціи 1864 г. II. *Три декларації,* запрещающія: а) употреблять пули, которыя легко разрываются или сплющиваются въ человѣческомъ тѣлѣ, какъ-то: пули съ жесткою оболочкой, не покрывающею вполнѣ ея ядро, или снабженною надрѣзомъ; в) пускать ядра и взрывчатые снаряды съ воздушныхъ шаровъ или другими новыми подобными способами, *на пятилѣтній срокъ;* с) употреблять снаряды, имѣющіе единственною цѣлью распространеніе удушливыхъ или смертоносныхъ газовъ.

Конференція высказала еще III. *Шесть* слѣдующихъ *пожеланій:* 1) чтобы въ виду плановъ, сдѣланныхъ Швейцаріею для пересмотра женевской конвенціи, была созвана въ ближайшемъ будущемъ для этого спеціальная конференція; 2) чтобы вопросъ о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ былъ включенъ въ программу ближайшей конференціи; 3) чтобы вопросы, относящіеся до типа и калибра ружей и орудій во флотѣ, разсмотрѣнныхъ конференціею, были изучены правительствами съ цѣлью установленія между ними на этотъ счетъ соглашенія; 4) чтобы правительства, принимая въ соображеніе предложенія, сдѣланныя въ конференціи, занялись вопросомъ о возможности соглашенія между ними относительно ограниченія ихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, а также военныхъ бюджетовъ; 5) чтобы вопросъ о неприкосновенности частной собственности въ морской войнѣ былъ разсмотрѣнъ въ новой конференціи 6) чтобы также была созвана другая конференція, которая изучала бы вопросъ о регулированіи бомбардированія портовъ, городовъ и селеній морскими военными силами.

Эти постановленія [1]) были подписаны въ Гаагѣ не одними и тѣми же, но делегатами 15—16 государствъ (изъ 26 и въ томъ числѣ всѣми делегатами Россіи), а для подписанія ихъ остальными назначенъ срокъ до 31 декабря (нов. ст.) того же года. Это и было сдѣлано всѣми съ тѣми или другими оговорками. Нынѣ эти акты ждутъ ратификаціи ихъ правительствами отдѣльныхъ странъ. Въ цѣломъ они представляютъ какъ бы законные отдѣлы международной кодификаціи по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ и, конечно, не могли бы состояться ни въ такомъ

[1]) Они цѣликомъ напечатаны въ *La Paix par le Droit* (1899, sep.—oct.)

объемѣ, ни въ столь краткій срокъ, если бы переговоры о нихъ велись обычнымъ дипломатическимъ путемъ. Нужно было особое общее настроеніе, созданное иниціативою Россіи и широкою программою конференціи, чтобы сдѣлать возможнымъ практическій успѣхъ этихъ смѣлыхъ начинаній [1]).

Наиболѣе оригинальною и новою является конвенція о посредничествѣ и третейскомъ судѣ. Мы говорить о ней не будемъ, ибо посвятили ей уже особую статью [2]), но здѣсь замѣтимъ только, что она не ограничилась повтореніемъ или сведеніемъ въ одно цѣлое того, что было до нея высказано въ новѣйшихъ третейскихъ конвенціяхъ или въ ихъ проектахъ, а высказала много новаго и въ особенности установила постоянный третейскій судъ въ связи съ новымъ международнымъ бюро въ Гаагѣ и съ постояннымъ же тамъ совѣтомъ изъ дипломатическихъ представителей державъ.

Конвенція о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны воспроизводитъ почти буквально брюссельскую декларацію 1874 г. о томъ же предметѣ. Она отличается только нѣкоторою большею систематичностію [3]) и тремя добавленіями: въ главѣ о военноплѣнныхъ (ст. 14—20) упоминается объ учрежденіи справочныхъ бюро по всѣмъ вопросамъ, касающимся плѣнныхъ, о дѣятельности обществъ вспомоществованія имъ, о предоставленіи имъ религіознаго утѣшенія и возможности совершать духовное завѣщаніе.

Другое добавленіе находимъ въ ст. 50, воспрещающей „всякое коллективное наказаніе, денежное или иное, возлагаемое

---

[1]) *Вѣстникъ Европы*, 1899 г., авг. (Иностранное обозрѣніе).

[2]) *Русская Мысль*, 1900 г., кн. I.

[3]) Въ ней четыре главныхъ отдѣла (изъ 60 статей): о воюющихъ; о враждебныхъ дѣйствіяхъ; о военномъ занятіи, о водвореніи воюющихъ и о пользованіи раненыхъ въ странѣ нейтральной.

на населеніе за такіе индивидуальные поступки, за которые оно не можетъ отвѣчать солидарно“ [1]).

Во вступленіи къ этой конвенціи заявляется, что „стороны имѣли въ виду точно опредѣлить правила веденія войны, дабы тѣмъ смягчить вызываемыя ею бѣдствія, насколько то дозволяетъ военная необходимость и въ ожиданіи изданія современемъ полнаго кодекса законовъ войны“.

Въ конвенціи о примѣненіи къ *морской войнѣ* началъ женевской конвенціи 1864 г. (состоящей изъ 14 статей), признается принципъ неприкосновенности санитарныхъ судовъ (bâtiments hospitaliers), снаряженныхъ правительствами или частными лицами и обществами какъ воюющихъ, такъ и нейтральныхъ Они должны оказывать помощь раненымъ, больнымъ, и потерпѣвшимъ крушеніе во время морской войны безъ различія національности. Воюющіе обязываются не приспособлять эти суда ни къ какимъ военнымъ цѣлямъ, но подчиняютъ ихъ своему контролю и осмотру. Они могутъ отклонить ихъ услуги, потребовать ихъ удаленія, предписать имъ опредѣленное направленіе, послать къ нимъ на палубу своего коммиссара, даже задержать ихъ, если того потребуютъ серьезныя обстоятельства. Но о каждой подобной мѣрѣ, насколько возможно, воюющіе обязаны занести въ корабельный журналъ даннаго санитарнаго судна.

Эти предписанія ст. 4 предоставляютъ воюющимъ слишкомъ большой просторъ, могущій на практикѣ вполнѣ парализовать,

---

[1]) Въ отдѣлѣ „О военной власти на непріятельской территоріи“ совершенно напрасно опущены ст. 3 и 4 брюссельской декларации и прибавлена одна новая (ст. 54): „подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, принадлежащій нейтральнымъ (государству или частнымъ лицамъ и компаніямъ), имъ возвращается при первой возможности“.

по одному ихъ усмотрѣнію, все дѣло помощи потерпѣвшимъ лицамъ.

Санитарныя суда, продолжаетъ конвенція, не должны стѣснять никакимъ образомъ движеній воюющихъ и дѣйствуютъ во время и послѣ боя на собственный страхъ и рискъ. Лица духовнаго вѣдомства, врачебный и санитарный персоналъ неприкосновенны и не могутъ быть взяты въ плѣнъ. Покидая задержанный корабль, на которомъ они служили, они берутъ съ собою принадлежащіе имъ предметы и инструменты. Они продолжаютъ исполнять свои обязанности, пока это нужно и могутъ потомъ удалиться съ разрѣшенія главнокомандующаго. Моряки и солдаты, раненые и больные, къ какой бы національности они ни принадлежали, пользуются охраной и уходомъ со стороны того, въ чью власть они попали. Они становятся военноплѣнными. Захватившій ихъ противникъ рѣшаетъ, смотря по обстоятельствамъ вопросъ о томъ, куда ихъ направить, въ свой ли портъ, въ ихъ отечественный, или въ нейтральный. Если они отсылаются въ отечество, они лишаются права продолжать службу на срокъ этой войны. О томъ же должно позаботиться и нейтральное правительство, выразившее согласіе принять ихъ къ себѣ.

Настоящая конвенція обязательна только между державами, ее принявшими. Она теряетъ свою силу какъ скоро къ воюющимъ, ее признавшимъ, присоединится какая-либо посторонняя держава, не подписавшая ее. Государства не договорныя, но принявшія Женевскую конвенцію 1864 г., вольны всегда присоединиться и къ настоящей конвенціи. Имѣя въ виду отъ нея отказаться, они обязаны за годъ сообщить объ этомъ письменно правительству Нидерландовъ, которое доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія всѣхъ остальныхъ договорныхъ державъ. Но этотъ отказъ производитъ дѣйствіе только по отношенію къ державѣ, сдѣлавшей о немъ нотификацію.

Всѣ эти постановленія Гаагской конференціи представляютъ большой интересъ въ двоякомъ отношеніи: они, съ одной стороны, завершаютъ собою всѣ предшествующія имъ попытки кодификаціи права войны, начиная съ полевой инструкціи Либера 1863 г. и кончая извѣстнымъ руководствомъ „Законы сухопутной войны", изданнымъ институтомъ международнаго права въ 1880 г. Съ другой стороны, особенно въ „желаніяхъ", они ведутъ регламентацію войны нѣсколько далѣе названныхъ актовъ и рекомендуютъ правительствамъ созваніе въ ближайшемъ будущемъ новыхъ конференцій, которыя и занялись бы разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ, для международной жизни крайне важныхъ и неотложныхъ вопросовъ. Къ таковымъ отнесены: пересмотръ Женевской конвенціи, болѣе строгое ограниченіе истребительныхъ орудій на войнѣ, какъ сухопутной, такъ равно и морской, отмѣна захвата торговыхъ судовъ въ морской войнѣ (за что въ Гаагѣ ратовали особенно С. Штаты), болѣе точное выясненіе и опредѣленіе правъ и обязанностей нейтральныхъ.

Одинъ французскій писатель, спеціально занявшійся предложеніемъ Россіи на Гаагской конференціи, Лапрадель, проф. въ Гренобле [1]), подвергъ рѣзкой критикѣ самую идею объ ограниченіи орудій войны. По его словамъ, принятіе этой идеи обозначало бы запрещеніе въ будущемъ всякихъ новыхъ изобрѣтеній въ области военныхъ наукъ и техники. Пришлось бы де отказаться отъ болѣе совершенныхъ ружей, отъ болѣе разрушительнаго пороха, отъ судовъ, лучше приспособленныхъ къ защитѣ и атакѣ. Это вызываетъ много возраженій, но особенно важны два соображенія: во-первыхъ, невѣрно предположеніе, высказываемое

---

[1]) La question du désarmement. Circulaire du comte Mouravieff du 30 déc. 1898. (*Revue genér. de dr. int.*, 1899, № 1, p. 76 sv).

русскою нотою 30 декабря, будто основаніе для воспрещенія извѣстнаго снаряда для орудія лежитъ въ его вредоносности, между тѣмъ какъ правомъ осуждается не разрушительность ихъ, а лишь безцѣльная жестокость, усиленныя страданія, ими причиняемыя. Но разъ орудіе, какъ бы оно ни было ужасно, не подлежитъ такому упреку, оно дозволено (?!). Съ другой стороны— ошибаются тѣ, которые полагаютъ, будто успѣхи военнаго искусства опасны для человѣчества. Напротивъ, для него опасны попытки задержать усовершенствованія этого искусства. Уменьшая ужасъ, вызываемый войною, онѣ ослабляютъ законный, поднимающійся противъ нея протестъ. Сокращая приносимыя ею бѣдствія, онѣ подавляютъ въ груди правителей и народовъ тотъ крикъ отчаянія, который готовъ у нихъ вырваться при приближеніи войны и безъ чего, быть можетъ, Европа не прожила бы въ мирѣ послѣднія тридцать лѣтъ. Словомъ, всякое средство, дѣлавшее войну болѣе случайною и убійственною, служитъ, только по видимости, цѣлямъ войны, а въ дѣйствительности — дѣлу мира.

Это сплетеніе софизмовъ не ново и особенно любимо писателями, придерживающимися направленія „военнаго реализма“. Исторія показываетъ, однако, что истребительность войны никогда не составляла преграды для ея веденія, а въ наши дни передовые народы достигли въ этомъ печальномъ искусствѣ такихъ результатовъ, которые ставятъ цивилизованнаго человѣка въ нравственномъ отношеніи куда ниже животнаго. Самъ авторъ дѣлаетъ оговорку, смягчающую его разсужденія: „конечно, эти новыя открытія науки даютъ арміямъ лишь кратковременный перевѣсъ другъ надъ другомъ. Тайна никогда не сохраняется долго и противникъ можетъ въ свою очередь воспользоваться сдѣланнымъ у насъ открытіемъ. Но все-таки пока это открытіе не станетъ извѣстнымъ и не будетъ введено у другихъ народъ,

среди котораго оно сдѣлано, располагаетъ средствомъ къ побѣдѣ, отъ котораго онъ никакъ не захочетъ отказаться. Въ особенности теперь на предложенія Россіи не могутъ пойти ни Германія, занятая усовершенствованіемъ ружья, ни Франція, работающая надъ созданіемъ новаго типа подводныхъ судовъ“ [1]).

Вѣрнѣе было бы сказать, что въ этой гоньбѣ за послѣдними успѣхами истребительнаго искусства, государства систематически себя разоряютъ и дѣлаютъ самый миръ шаткимъ и непрочнымъ. Одно изъ двухъ: или тутъ не допустимы никакія ограниченія, и тогда слѣдуетъ отказаться отъ всякаго права войны, отъ такихъ договоровъ, какъ парижская декларація 1856 г., петербургская, женевская конвенціи и вернуться къ безграничному варварству баши-бузуковъ, курдовъ и т. д., или же, сообразно съ предложеніемъ Россіи, совмѣстно пойти далѣе въ дѣлѣ регламентаціи войны и ограниченія примѣняемыхъ на ней способовъ борьбы.

VI.

Достигнувъ, какъ мы видѣли, немаловажныхъ результатовъ по двумъ пунктамъ русской программы: относительно мирнаго рѣшенія споровъ между государствами и регламентаціи войны, Гаагская конференція ничего не сдѣлала по первому и самому главному пункту этой программы: по вопросу объ *ограниченіи вооруженій*. Это была, конечно, самая смѣлая идея въ предложеніяхъ Россіи, отъ нея народы чаяли наиболѣе плодотворныхъ

---

[1]) Объ этомъ авторъ даетъ интересныя подробности, указывая и на нѣкоторыя новѣйшія сочиненія.

для себя результатовъ и вдругъ—горькое разочарованіе! Кромѣ обмѣна мыслей между делегатами, одного академическаго пожеланія, ничего не вышло. Но поучительны подробности объ этой неудачѣ [1]).

Въ засѣданіи 26 іюня, отъ имени русскаго правительства, полковникъ Жилинскій внесъ въ секцію о разоруженіи слѣдующее предложеніе: 1) чтобы правительства, путемъ международнаго соглашенія, обязались не увеличивать, въ теченіе пяти лѣтъ, принятый ими мирный составъ ихъ армій въ метрополіяхъ; 2) въ случаѣ удачи такого соглашенія, чтобъ они вообще опредѣлили численность своихъ войскъ для мирнаго времени, не включая сюда войска колоніальныя; 3) чтобы они въ продолженіе указаннаго пятилѣтняго срока не увеличивали свой военный бюджетъ.

Капитанъ Шейнъ предложилъ относительно флота: принять на трехлѣтній срокъ извѣстную норму для морского бюджета съ обязательствомъ изъ нея не выходить и всѣмъ напередъ сообщать другъ другу: 1) о числѣ тоннъ водоизмѣщенія тѣхъ военныхъ судовъ, которыя имѣютъ быть сооружены, безъ указанія ихъ типа; 2) о числѣ офицеровъ и экипажа на нихъ; 3) о предполагаемыхъ расходахъ на работы въ портахъ, какъ-то: постройки фортовъ, бассейновъ, арсеналовъ и т. д.

Это предложеніе поддержали Беернаертъ, президентъ первой коммиссіи и делегаты Нидерландовъ (генералъ Ванъ-Бееръ Португель), и Персіи (генералъ Мирса-Риза). Жилинскій въ рѣчи своей указалъ на то, что русское предложеніе не содержитъ въ себѣ ничего новаго. Въ Германіи, по закону о септеннатѣ, численность арміи въ мирное время опредѣлена напередъ на 5—7-лѣтній срокъ. Въ Россіи также военный бюджетъ исчи-

---

[1]) *La Paix par le Droit*, 1889, Juill.—Août, p 352—369.

сляется на пять лѣтъ. Можно остановиться и на болѣе краткомъ срокѣ. Новымъ въ этомъ предложеніи является только рѣшимость сказать: пора остановиться. Это и дѣлаетъ Россія. Она предлагаетъ остановиться на этомъ пути безпрерывнаго умноженія военныхъ силъ и именно въ такой моментъ, когда сама она далеко не достигла въ этомъ предѣльнаго пункта; ибо изъ всего числа молодыхъ людей, обязанныхъ въ ней отбывать воинскую повинность, она къ ней привлекаетъ лишь 26—29%, между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ число это удваивается и болѣе того. Итакъ, въ предложеніи Россіи нѣтъ ничего эгоистичнаго. Это просто мѣра гуманная и экономическая, которая и должна быть обсуждена и принята безъ какого бы то ни было недовѣрія.

Далѣе Жилинскій еще подтвердилъ, что рѣчь вовсе не идетъ о стѣсненіи правительствъ въ дѣлѣ ихъ военной организаціи, что они могутъ попрежнему создавать новыя военныя единицы, сокращая только существующія и не увеличивая всего наличнаго состава войска. Имѣется въ виду сдѣлать на краткій срокъ опытъ, который на слѣдующей конференціи можно будетъ продлить на болѣе долгій срокъ.

На это предложеніе отвѣчалъ техническій делегатъ Германіи, полковникъ Шварцгофъ, рѣчью, которая и повела къ крушенію русскаго проекта. Нѣмецкій народъ вовсе не подавленъ налогами и повинностями, напротивъ, какъ общественное, такъ и частное благосостояніе въ Германіи возрастаютъ съ каждымъ годомъ. Что касается до тѣсно-связанной съ этимъ общеобязательной воинской повинности, то нѣмцы смотрятъ на нее не какъ на тяжкое бремя, а какъ на священный и патріотическій долгъ, исполненіе котораго обезпечиваетъ имъ ихъ существованіе, благосостояніе и будущее.

Предложенія полковника Жилинскаго недостаточно между собою согласованы. Съ одной стороны, высказывается опасеніе, чтобы чрезмѣрныя вооруженія не привели къ войнѣ, съ другой, будто экономическое разореніе сдѣлаетъ самую войну невозможною. Но Шварцгофъ слишкомъ довѣряетъ мудрости государей и народовъ, чтобы раздѣлять эти опасенія.

Кромѣ того намъ говорятъ, что намъ не предлагаютъ ничего новаго и такого, что встрѣтило бы техническія затрудненія. Но одновременно мы слышимъ, что это труднѣйшій для рѣшенія вопросъ, который для проведенія его потребовалъ бы крайняго напряженія.

Къ этому послѣднему мнѣнію вполнѣ присоединяется германскій делегатъ. Мы встрѣтили бы на нашемъ пути непреодолимыя препятствія техническаго характера въ широкомъ смыслѣ слова. Вопросъ о численности войска нельзя разсматривать отдѣльно отъ цѣлаго ряда другихъ, съ которыми онъ тѣсно связанъ. Таковы, напр., степень народнаго образованія, продолжительность дѣйствительной службы, численность кадровъ, число и сроки призывовъ къ службѣ, т.-е. обязательность возвращенія къ ней прежнихъ солдатъ, расположеніе желѣзнодорожной сѣти, число и положеніе крѣпостей.

Все это, составляя національную оборону, организовано у каждаго народа въ отдѣльности, сообразно съ его характеромъ, прошлымъ, географическимъ положеніемъ, экономическими средствами и падающими на него задачами. Было бы чрезвычайно трудно это исключительно національное дѣло облечь въ форму международнаго договора. Нельзя говорить объ одной численности войска, не касаясь въ то же время другихъ, указанныхъ элементовъ національной обороны.

Въ рѣчи полковника Жилинскаго упоминалось только о войскахъ, содержимыхъ метрополіями. Но не мало территорій, ко-

торыя, не входя въ составъ метрополій, лежатъ, однако, такъ близко къ нимъ, что войска ихъ, конечно, примутъ участіе въ континентальной войнѣ. А страны внѣ европейскія? Какъ могутъ онѣ допустить ограниченія ихъ армій, если колоніальныя войска, единственно имъ угрожающія, останутся внѣ настоящаго соглашенія?

Спеціально по отношенію къ Германіи предложенный пятилѣтній срокъ помѣшалъ бы ей примкнуть къ обсуждаемому проекту: этотъ пятилѣтній международный срокъ не совпалъ бы съ ея національнымъ семилѣтнимъ срокомъ. Затѣмъ, дѣйствующій въ немъ военный законъ не установляетъ какую-либо одну неизмѣнную цифру для арміи, а, напротивъ, предусматриваетъ ея прогрессивное возрастаніе до 1902 или 1903 г., когда начатая нынѣ ея реорганизація достигнетъ завершенія. До этого же момента намъ невозможно даже на два года связать себя какимъ-либо обѣщаніемъ въ этомъ направленіи.

Впечатлѣніе этой рѣчи было таково, что русское предложеніе казалось похороненнымъ даже безъ обсужденія. Но все таки нашли, что поступить такъ, хотя бы изъ приличія, было неудобно, и предложеніе Россіи было передано въ подкоммиссію, несмотря на оппозицію Германіи и Австріи и на воздержаніе отъ подачи голоса четырехъ второстепенныхъ государствъ. День 26 іюня памятенъ въ двоякомъ отношеніи: онъ подтвердилъ то, что, впрочемъ, давно всѣмъ извѣстно, что центромъ и главою милитаризма въ наши дни является Германія, оказавшая также немалую оппозицію на конференціи большему упроченію и развитію международнаго третейскаго суда (Цорнъ, Штенгель). Затѣмъ нельзя не пожалѣть о неподготовленности и растерянности русскихъ делегатовъ, не сумѣвшихъ оказать болѣе ловкій и энергичный отпоръ своимъ нѣмецкимъ коллегамъ, очень дѣльнымъ, безспорно, но и тенденціознымъ и не побрезговавшимъ прибѣгнуть къ явнымъ преувеличеніямъ и несообразностямъ.

Какъ бы то ни было, но уже 30 іюня подкоммиссія представила докладъ съ слѣдующими отрицательными заключеніями, принятыми единогласно, кромѣ одного голоса Жилинскаго: 1) что было бы крайне трудно опредѣлить какою-либо цифрою, даже на пять лѣтъ, численность войска, безъ одновременнаго регулированія другихъ элементовъ національной обороны; 2) что было бы не менѣе затруднительно установить въ международномъ договорѣ эти элементы національной обороны, организованные въ различныхъ странахъ далеко не одинаково. Въ силу этого коммиссія выражаетъ сожалѣніе, что не можетъ принять предложенія, сдѣланнаго отъ имени русскаго правительства и полагаетъ, большинствомъ своихъ членовъ, что вопросъ этотъ требуетъ болѣе серьезнаго изученія со стороны самихъ правительствъ. Тогда бар. Бильдтъ, делегатъ Швеціи-Норвегіи, произнесъ рѣчь, въ которой многія мѣста заслуживаютъ быть отмѣченными.

Когда въ публикѣ станутъ извѣстными достигнутые нами результаты, въ ней раздастся, вопреки сдѣланному нами для третейскаго суда, Краснаго Креста и т. д., громкій крикъ: „Этого не достаточно“!

И большинство изъ насъ по совѣсти повторитъ тотъ же возгласъ. Конечно, мы можемъ въ утѣшеніе себѣ сказать, что мы исполнили свой долгъ, ибо вѣрно слѣдовали даннымъ намъ инструкціямъ. Но несмотря на это,—продолжаетъ Бильдтъ,—я позволю себѣ утверждать, что все-таки долгъ нашъ еще не выполненъ и мы должны еще кое-что сдѣлать. Объяснюсь.

Идея русскаго Царя велика и прекрасна: она соотвѣтствуетъ желаніямъ тысячи и тысячи людей и этого достаточно для того, чтобъ ей не умереть. Если императоръ къ благородству сердца и къ возвышенности ума, имъ проявленнымъ, пожелаетъ еще присоединить добродѣтель настойчивости, — успѣхъ его дѣлу обезпеченъ. Онъ получилъ отъ Провидѣнія не только даръ мо-

гущества, но и даръ молодости. Если поколѣнію, къ которому мы принадлежимъ, не суждено выполнить этой задачи, онъ можетъ разсчитывать на содѣйствіе тѣхъ, которые скоро займутъ наши мѣста. Будущее принадлежитъ ему. Но пока, мы всѣ, желающіе въ скромной, отмѣренной каждому изъ насъ области дѣятельности быть его, хотя смиренными, но вѣрными сотрудниками, мы должны искать и указывать нашимъ правительствамъ съ полною откровенностію и правдивостію каждый пробѣлъ или недостатокъ, которые могли вкрасться въ приготовленіе или выполненіе этого дѣла и мы должны стремиться съ настойчивостію сдѣлать больше и лучше, будетъ ли это состоять въ томъ, что мы рекомендуемъ созваніе новыхъ конференцій или веденіе непосредственныхъ переговоровъ, или, наконецъ, слѣдованіе политикѣ добраго примѣра. Вотъ долгъ, который мы обязаны выполнить.

Билль (Данія) поддержалъ эту декларацію. Делегатъ Франціи, Леонъ Буржуа, произнесъ рѣчь, которая произвела самое сильное впечатлѣніе на членовъ коммиссіи.

Я также, — сказалъ онъ, — принадлежу къ странѣ, которая легко переноситъ личныя и финансовыя тягости, возлагаемыя на гражданъ дѣломъ народной обороны, и мы надѣемся показать міру въ будущемъ году, что эти тягости не задержали развитія нашего экономическаго производства и благосостоянія. Но полковникъ Шварцгофъ, конечно, согласится со мною въ томъ, что если бы, какъ для его страны, такъ и для моей эти громадныя средства, нынѣ истрачиваемыя на военную организацію, были хотя лишь отчасти употребляемы на нужды мирнаго и производительнаго труда—благосостояніе каждаго народа стало бы расти гораздо быстрѣе. Эту мысль необходимо высказать не только въ нашей средѣ, но и передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Быть можетъ даже мы здѣсь не въ правѣ разсматривать проблему вооруженнаго мира съ точки зрѣнія лишь нашей страны въ отдѣльности. Задача наша болѣе высокая: мы должны взглянуть на поставленную намъ цѣль съ точки зрѣнія положенія всѣхъ народовъ. Другими словами, мы собрались не для того, чтобы составлять большинство или меньшинство по обсуждаемымъ вопросамъ, а для того, чтобы отыскивать пункты, могущіе насъ соединить.

Цѣлью всей цивилизаціи представляется то, чтобы выше борьбы между людьми изъ-за существованія было бы постановлено ихъ соглашеніе для борьбы противъ жестокаго порабощенія ихъ матеріи. Эту-то мысль и предлагаетъ намъ утвердить Царь въ примѣненіи къ взаимнымъ сношеніямъ народовъ.

Если печальная необходимость насъ заставляетъ теперь отказаться отъ выработки положительнаго и непосредственнаго соглашенія на этотъ счетъ, мы должны по крайней мѣрѣ показать общественному мнѣнію, что мы отнеслись серьезно къ поставленной намъ задачѣ. Мы поработаемъ не напрасно, если выскажемъ, хотя въ общихъ словахъ, ту цѣль, къ которой мы желаемъ, надѣюсь, единогласно, чтобы направились всѣ цивилизованные народы.

Вслѣдствіе этого была принята всѣми делегатами, и нѣмецкими въ томъ числѣ, слѣдующая формула: „коммиссія полагаетъ, что ограниченіе военныхъ тягостей, которыя нынѣ обременяютъ міръ, крайне желательно въ видахъ улучшенія, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго благосостоянія человѣчества“.

Это постановленіе вошло въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и въ число пожеланій конференціи (пунктъ 4). Нельзя не согласиться по этому вопросу съ слѣдующимъ отзывомъ одного изъ нашихъ журналовъ: „мысль объ ограниченіи и регулированіи вооруженій не привела въ Гаагѣ ни къ чему положительному, но все-таки она была высказана конференціею въ принципѣ, въ

видѣ пожеланія для будущаго, а это само по себѣ есть уже несомнѣнный шагъ впередъ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Если великія военныя державы принциніально сами осудили свою систему непрерывныхъ вооруженій и признали желательность ея смягченія или измѣненія, то это можетъ отчасти служить залогомъ того, что желанная перемѣна дѣйствительно когда-нибудь наступитъ и что придуманы будутъ способы для постепеннаго достиженія постановленной цѣли“ [1]).

Съ послѣднимъ выводомъ вполнѣ согласны и мы, но для этого необходимо, чтобы осуществленіе намѣченной цѣли не было отдано исключительно въ руки дипломатовъ и юристовъ, относящихся къ ней болѣе, чѣмъ скептически! Прочитывая отчеты о засѣданіяхъ 26 и 30 іюня, болѣе всего поражаешься оптимизмомъ участвовавшихъ на нихъ лицъ и тенденціозными преувеличеніями и сгущеніями красокъ, къ какимъ они дозволили себѣ прибѣгать съ легкимъ сердцемъ. Милитаризмъ—страшный кошмаръ, бѣдность растетъ повсюду (хотя и не въ одинаковыхъ размѣрахъ), вооруженный миръ становится день ото дня все болѣе тягостнымъ и невыносимымъ, объ этомъ исписаны томы и это доказано точными статистическими таблицами всякаго рода [2]), а Шварцгофъ съ рѣдкимъ апломбомъ утверждаетъ, что общій уровень экономическаго благосостоянія (standard of life) въ Германіи повышается съ каждымъ годомъ. Ему вторитъ Буржуа, заявляя, что *страна его несетъ*, эти тягости не менѣе легко (aussi allègrement).

Съ другой стороны, какъ мы уже говорили выше, Шварцгофъ, какъ и гражданскій его коллега Штёркъ, выдвигаетъ противъ русскаго предложенія цѣлую систему возраженій. Оба они на-

---

1) *Вѣстн. Европы*, 1899 г. авг., тамъ же

2) Много относящихся сюда числовыхъ данныхъ можно найти въ выше названной брошюрѣ Алексѣева и статьѣ Лапрадель.

мѣренно осложняютъ до крайности вопросъ, чтобъ отчасти отвести противнику глаза, отчасти совсѣмъ спутать и сбить съ толку. Каждое явленіе и сторона въ общественной жизни стоитъ въ тѣсной связи съ другими ея проявленіями, на нихъ воздѣйствуетъ, и, въ свою очередь ими обусловливается. То же самое должно сказать и о военной ограниза̀ціи. Ей служатъ самые разнообразные элементы народной жизни. Но что же отсюда слѣдуетъ? Предложеніе Россіи, вызванное самыми реальными потребностями народовъ, имѣло въ виду *начало*, а не *завершеніе* реформы. Начать же очевидно нужно съ чего-либо *одного* и *простого*. Имѣлось въ виду, ничего не ломая и никого не пугая, хотя на короткій срокъ, въ видѣ опыта, остановить бѣшеную погоню за послѣдними такъ называемыми улучшеніями въ военномъ дѣлѣ и этимъ поднять и укрѣпить въ народахъ на самомъ дѣлѣ (а не на бумагѣ лишь!) чувство взаимнаго довѣрія и расположенія. Тогда явилась бы возможность, при бо̀льшемъ досугѣ и спокойствіи, приступить къ обсужденію и прочихъ сторонъ военной проблемы. А противники, какъ бы не понимая перваго шага, постарались забить тревогу и сдѣлать невозможными всѣ послѣдующіе шаги. Какіе аргументы и инсинуаціи не пустили они въ ходъ! Стали говорить о стремленіи Россіи ослабить морскую войну передъ сухопутною (чтобы вѣрнѣе поразить Англію), о потаенной ея цѣли обезпечить себя съ Запада, чтобы тѣмъ рѣшительнѣе напасть на Востокъ и т. д. И эти противники одержали верхъ. Но съ чѣмъ же можно ихъ поздравить, когда, какъ и должно это быть по логикѣ вещей, милитаризмъ, ничѣмъ не укрощаемый, сейчасъ же послѣ Гаагской конференціи, потребовалъ новыхъ и новыхъ ужасающихъ жертвъ, на этотъ разъ для усиленія флотовъ (въ Германіи, Англіи и т. д.). Такъ и будутъ идти дѣла до полнаго разоренія народовъ или до наступленія такихъ переворотовъ, о которыхъ и думать страшно, если только государства будутъ продолжать упорство-

вать въ своемъ близорукомъ отрицательномъ отношеніи къ голосу Россіи, призывающей ихъ къ тому, чтобъ они наконецъ „сплотились въ одно могучее цѣлое, дабы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора“ [1]).

VII.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о возраженіяхъ вышеназваннаго французскаго критика (Лапрадель) по пункту объ ограниченіи вооруженій: указавъ на то, что нынѣ Франція тратитъ на народную защиту въ мирное время болѣе того, что расходовалъ Наполеонъ въ эпоху своихъ великихъ кампаній [2]), авторъ думаетъ однако, что никакая международная коммиссія не могла бы наблюдать и контролировать за установленною нормою вооруженій. Какое государство дозволитъ иностранцамъ входить въ его казармы, провѣрять наличность его военныхъ запасовъ, просматривать его счета и т. д.? Вооруженія продолжались бы, но въ тиши, прикровенно и обманными путями и такая система контроля оказалась бы не только неосуществимою, но прямо опасною для самого дѣла мира.

Кто же ее рекомендуетъ? Или правительства и народы достигли (казалось бы пора!) до сознанія зла милитаризма и тогда

---

[1]) Нота 12 авг. 1898 г.

[2]) Бюджетъ ея въ 1806г. достигалъ 700 милл. фр. изъ нихъ 300 шли на войско и 130 на флотъ Нынѣ военно-морскіе расходы ея увеличились; 627.042,000 фр. на войско и 259.239, 735 фр. на флотъ. Таковы точныя цифры въ бюджетѣ 1897 г Не имѣя столь высокихъ бюджетовъ, замѣчаетъ авторъ, всѣ другіе народы страдаютъ отъ того же зла. Но насколько эти числа увеличились еще за послѣдніе три года?

они передъ другими и передъ собою обязаны общими силами позаботиться о сокращеніи вытекающихъ изъ него бѣдствій и вполнѣ серьезно и искренно проводить направленныя къ тому и ими самими одобренныя мѣры, или же они до этого сознанія еще не доросли (вопреки лицемѣрнымъ завѣреніямъ о необходимости мира) и тогда, конечно, ничего нельзя сдѣлать.

Международная коммиссія при этой реформѣ необходима, но роль и функціи ея были бы совершенно иныя: она объединяла бы и печатала всѣ свѣдѣнія, получаемыя ею періодически отъ правительствъ о ходѣ этой реформы, высказывала бы мотивированныя мнѣнія о возможныхъ въ ней улучшеніяхъ, дѣлала бы представленія о замѣчаемыхъ ею уклоненіяхъ отъ установленныхъ нормъ и т. д. Словомъ, это была бы коммиссія справочная, надзирающая, помогающая съ разрѣшенія признавшихъ ее правительствъ, безъ всякой принудительной власти, какъ предлагаетъ Руаръ-дё-Каръ. Намъ скажутъ: да захотятъ ли правительства объявить свои военныя тайны? Дѣло будетъ идти не о тайнахъ, а объ общемъ ихъ, дружномъ и серьезномъ желаніи поддержать миръ, не грозя другъ другу.

Другое возраженіе. Какъ установить максимальный военный бюджетъ? Никакая апріорная норма тутъ невозможна. Надо искать относительнаго предѣла для различныхъ странъ, сообразно съ особенностями ихъ положенія. Наприм., постановить, чтобы военные бюджеты составляли лишь извѣстную долю ($^1/_5$ или $^1/_8$) всего бюджета данной страны. Но тогда народы поспѣшатъ всячески увеличить свои налоги, чтобы получить возможность усилить и необходимые для нихъ военные расходы: послѣдніе такимъ образомъ не уменьшились бы, а всѣ остальные расходы сразу возросли бы и народы истекли бы кровью. Невозможно ввести для всѣхъ и одинаковую пропорцію военнаго бюджета ко всему остальному бюджету. Есть страны нейтрализованныя, другія ведутъ широкую колоніальную политику и т. д. Иногда, какъ мы

это видѣли при постройкѣ подводныхъ судовъ, частныя лица, движимыя патріотизмомъ, приходятъ своими средствами на помощь правительству въ дѣлѣ усиленія народной обороны. Какой же смыслъ получитъ тогда ограниченіе (оффиціальнаго) военнаго бюджета?

Развѣ удовольствоваться простымъ запрещеніемъ увеличивать нынѣ существующіе военные бюджеты? Это было, бы, конечно, просто и ясно, но и это трудно поддалось бы надзору и было бы весьма легко обходимо на практикѣ. Едва предложеніе русскаго государя стало извѣстнымъ, какъ нѣкоторыя державы поспѣшили увеличить свой военный бюджетъ, чтобы обратить въ свою пользу предполагаемую фиксацію statu quo его. Этимъ онѣ сдѣлали неосуществимымъ честное и строгое примѣненіе русскаго проекта.

Конечно, послѣдній примѣръ показываетъ только, что правительства, поспѣшившія увеличить свои военные бюджеты при появленіи русской ноты, наперекоръ всѣмъ своимъ завѣреніямъ, не хотятъ серьезно поддерживать миръ. Въ ихъ же желаніи и рѣшимости—отправный пунктъ и ядро всего вопроса объ ограниченіи вооруженій. До наступленія этого условія—праздны на практикѣ всѣ толки объ обсуждаемой реформѣ. Но надо воспитывать общественное мнѣніе въ этомъ направленіи. Для этого нужны не панегирики оптимистовъ и не чисто отрицательныя критики пессимистовъ, а спокойныя и всестороннія научныя изслѣдованія, направленныя къ устраненію тѣхъ препятствій, которыя воздвигаются на пути къ осуществленію великой проблемы разоруженія (конечно, раціонально понимаемой), такъ давно назрѣвшей и съ каждымъ годомъ все настоятельнѣе требуемой самыми жизненными интересами современнаго культурнаго общества въ цѣломъ, и отдѣльныхъ народввъ въ частности.

Не раздѣляемъ мы и мысли автора о томъ, будто нельзя путемъ договора ограничить бюджеты государствъ (военно-

морскіе). Тутъ нужны, конечно, серьезныя предварительныя изслѣдованія. При сохраненіи относительной соотвѣтственности положенію и особенностямъ отдѣльныхъ странъ, бюджеты эти должны быть, наконецъ, поставлены въ строгія границы, требуемыя дѣйствительнымъ положеніемъ народной обороны, а не поглощать собою, какъ теперь, громадную часть всего народнаго благосостоянія.

Къ положительнымъ разсужденіямъ автора, напротивъ, мы охотно присоединяемся. Онъ полагаетъ, что правительствамъ слѣдовало бы приступить къ болѣе легкимъ и доступнымъ задачамъ: установить для женевской конвенціи уголовную санкцію, распространить принципъ нейтрализаціи на нѣкоторыя страны, наприм., на Данію, которая какъ будто сдѣлана для этого, соединивши всѣ малыя государства въ „лигу мира“. Если желать освобожденія Европы отъ бѣдствій войны и отъ тягостей вооруженнаго мира, надо стараться поразить зло въ самомъ его корнѣ, восходить до причинъ, порождающихъ несогласія, устранять старые споры, предупреждать возникновеніе будущихъ и ввести постепенно путемъ коллективнаго воздѣйствія въ общее сознаніе тотъ существенный для мира принципъ, что ни въ коемъ случаѣ война сама по себѣ не должна вести къ завоеванію. Можетъ быть, всѣ государства могли бы еще согласиться относительно установленія одного общаго (наприм., двухлѣтняго) срока для военной службы, а въ случаѣ войны, выводить въ поле одну дѣйствующую армію, отказавшись отъ резервной и территоріальной [1]). Но послѣдняя мысль, осуществленіе которой хотя и уменьшило бы истребительность войны, но не облегчило бы значительно бремя вооруженнаго мира, представляется автору уже почти химерою.

[1]) То же предлагаетъ и Руаръ-дё-Каръ.

Какъ бы то ни было, но самъ же онъ высказываетъ два соображенія, въ силу которыхъ отстаиваемая нами реформа неустранима: современные военные бюджеты не только непомѣрно велики сами по себѣ, но и они не стоятъ уже ни въ какомъ соотвѣтствіи со всѣми остальными частями мирныхъ бюджетовъ. Война, являющаяся въ жизни народовъ лишь случаемъ и преходящимъ событіемъ, не можетъ составлять въ этихъ бюджетахъ центра и первенствующей ихъ части. Съ другой стороны,—а это еще важнѣе,—военные расходы повсюду, какъ показываетъ опытъ, растутъ съ каждымъ годомъ въ усиливающейся все прогрессіи.

Получается неизбѣжная дилемма: или остановиться, или разориться!

Вотъ почему мы полагаемъ, что крайне необходимы, и въ ближайшемъ будущемъ, новыя конференціи, лучше подготовленныя, которыя, не смущаясь неудачею Гаагскаго собранія, мудро и рѣшительно повели бы его дѣло впередъ ко благу всѣхъ народовъ.

ЧАСТЬ II.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО и МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРЕТЕЙСКІЙ СУДЪ.

Вопросъ о посредничествѣ и международномъ третейскомъ судѣ на Гаагской конференціи [1]).

Въ циркулярной нотѣ 12 августа 1898 г. Императоръ всероссійскій обратился къ державамъ съ приглашеніемъ соединить свои усилія въ видахъ охраненія мира, что поставлено цѣлью международной политики. Цѣль эта признана соотвѣтствующею существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ желаніямъ всѣхъ державъ. Возникшіе вслѣдствіе этого переговоры привели къ созванію конференціи въ Гаагѣ, которая по справедливости усмотрѣла въ посредничествѣ и третейскомъ судѣ одно изъ лучшихъ средствъ къ укрѣпленію и организаціи мира. Сообразно своей программѣ она учредила три коммиссіи, изъ которыхъ третьей, послѣдней, поручила спеціально заняться этимъ вопросомъ. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ делегатъ Франціи, Буржуа, и къ нему присоединены два почетныхъ предсѣдателя: гр. Нигра

---

1) *Descamps* Rapport à la conférence de la Haye sur la convention pour le règlement pacifique des conflits internationaux (bons offices et médiation, commissions internationales d'enquête, arbitrage).

(Италія) и Паунсфотъ (Англія). Эта коммиссія не раздѣлилась, какъ двѣ остальныя [1]), на подкоммиссіи, а выдѣлила изъ себя, на засѣданіи 26 мая, редакціонный комитетъ изъ восьми лицъ: Деканъ (Бельгія), Ассеръ (Нидерланды), Д'Естурнель (Франція), Гоольсъ (С. Штаты), Ламмашъ (Австрія,), Мартенсъ (Россія), Цорнъ (Германія) и Одіе (Швейцарія). Деканъ, извѣстный своими работами по третейскому суду, избранъ въ предсѣдатели и докладчики комитета, Д'Естурнель въ секретари его. Кромѣ того, въ работахъ комитета принимали участіе три вышеназванные предсѣдатели этой коммиссіи и даже баронъ Стааль, президентъ конференціи, и Ван-Карнебекъ, ея вице-президентъ. Такимъ образомъ въ составѣ комитета мы видимъ, рядомъ съ представителями шести великихъ державъ, и делегатовъ Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи. Комитетъ тщательно разсмотрѣлъ представленные Россіею проекты, а равно предложенія и поправки къ нимъ Англіи, С. Штатовъ и Италіи и выработалъ *конвенцію о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній*. Разсмотрѣнная и исправленная коммиссіею, она была затѣмъ одобрена конференціею въ ея полномъ составѣ. Эта конвенція состоитъ изъ 61 статьи и дѣлится на четыре отдѣла (титула): I—объ охранѣ общаго мира; II—о добрыхъ услугахъ и посредничествѣ; III—о международныхъ слѣдственныхъ коммиссіяхъ и IV—о международномъ третейскомъ судѣ.

По своему содержанію, несмотря на нѣкоторые недостатки, эта конвенція представляетъ большой интересъ, ибо она является актомъ самыхъ полнымъ о посредничествѣ и третейскомъ судѣ,

---

[1]) Разоруженія и законовъ войны. Первая распалась на три подкоммиссіи: сухопутной войны, морской и собственно разоруженія, вторая на двѣ: о примѣненіи Женевской конвенціи къ морской войнѣ и по пересмотру брюссельской декларації 1874 года.

подписаннымъ до нынѣ правительствами и въ составленіи котораго приняли участіе столь многіе выдающіеся дѣятели науки и практики международнаго права. Весьма любопытны не только ея статьи, но и вызванныя ими объясненія и пренія. Деканъ напечаталъ недавно свой отчетъ о гаагской конференціи, въ которомъ помѣстилъ обзоръ, какъ работъ руководимаго имъ комитета, такъ и главныхъ источниковъ, легшихъ въ основаніе составленной имъ конвенціи.

Конвенція начинается вступленіемъ:

Государи и главы государствъ, пославшіе своихъ представителей на конференцію (слѣдуютъ ихъ имена).

Одушевленные твердымъ намѣреніемъ содѣйствовать къ охраненію общаго мира.

Направляя всѣ свои усилія къ дружелюбному рѣшенію международныхъ споровъ.

Признавая солидарность, которая связываетъ между собою членовъ общества цивилизованныхъ народовъ.

Желая распространить образъ примѣненія права и укрѣпить сознаніе международной справедливости.

Убѣжденные въ томъ, что этой цѣли болѣе всего можетъ послужить постоянное учрежденіе третейской юрисдикціи для всѣхъ доступной въ средѣ независимыхъ державъ.

Принимая въ соображеніе выгоды, представляемыя общею и правильною организаціею третейскаго разбирательства.

Раздѣляя мысль августѣйшаго Инициатора международной конференціи мира о томъ, что слѣдуетъ подтвердить международнымъ соглашеніемъ „начала справедливости и права“, на которыхъ зиждится безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ.

Желая для этой цѣли заключить между собою конвенцію, назначили своихъ уполномоченныхъ...

Которые, обмѣнявшись своими полномочіями и найдя ихъ вполнѣ правильными, пришли къ слѣдующимъ соглашеніямъ:

I.

Объ охранѣ общаго мира.

Ст. 1. *Въ видахъ возможно-большаго предупрежденія обращенія къ силѣ въ сношеніяхъ между государствами договаривающіяся державы согласились направлять всѣ свои усилія къ мирному рѣшенію международныхъ споровъ.*

II.

О добрыхъ услугахъ и о посредничествѣ.

Ст. 2. *Въ случаяхъ серьезнаго разногласія или столкновенія державы соглашаются, прежде чѣмъ взяться за оружіе, обращаться, насколько дозволятъ обстоятельства, къ добрымъ услугамъ, или къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ.*

Статья эта воспроизводитъ постановленія ст. 8 парижскаго трактата 1856 г. и ст. 11 и 12 — берлинскаго акта 1885 г., а

равно извѣстнаго желанія, высказаннаго въ 23 протоколѣ парижскаго конгресса [1]).

Добрыя услуги и посредничество суть формы дружелюбнаго воздѣйствія третьей державы на спорящихъ сторонъ. Практически они отличаются другъ отъ друга степенью воздѣйствія и участія въ этихъ переговорахъ, такъ что дипломатія не проводитъ между ними рѣзкой грани. Примѣненіе ихъ на практикѣ представляетъ два важныхъ удобства: они ни въ чемъ не нарушаютъ независимости государствъ, къ которымъ обращаются, и, кромѣ того, они способны содѣйствовать рѣшенію не только споровъ о правѣ, но и столкновеній интересовъ. Само собою разумѣется, область ихъ приложенія не безгранична: она обусловливается лишь разногласіями серьезными, которыя угрожаютъ продолженію мирныхъ сношеній; иначе они легко могли бы перейти во вмѣшательство, не только не желательное, но и подчасъ опасное.

Ст. 3. *Независимо отъ этого обращенія, державы считаютъ полезнымъ, чтобы одно или нѣсколько государствъ, непричастныхъ къ спору, по собственному почину, насколько позволятъ обстоятельства, предлагали спорящимъ государствамъ свои добрыя услуги или посредничество.*

Это право принадлежитъ нейтральнымъ державамъ даже во время враждебныхъ дѣйствій. Примѣненіе этого права никогда не можетъ явиться въ глазахъ той или другой изъ сторонъ поступкомъ мало дружелюбнымъ.

Въ теоріи международнаго права признано, что предложеніе спорящимъ, со стороны нейтральныхъ, посредничества составляетъ для нейтральныхъ *обязанность* не только *право*. Но другое дѣло практика: договоры, упоминая объ обращеніи спорящихъ госу-

---

[1]) Статьи эти (кромѣ 11 берл. акта) и протоколъ напечатаны въ сборникѣ *Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ* (1899 г.); стр 365, 369 и 435.

дарствъ къ посредничеству нейтральныхъ, ничего не говорятъ объ обязанности послѣднихъ *предлагать* такое посредничество спорящимъ. Во многихъ случаяхъ предложеніе посредничества дѣлалось такъ поздно и въ столь неопредѣленной формѣ, что оно не могло предупредить войны. Нѣкоторыя, правда, изъ новѣйшихъ войнъ: австро-прусская 1866 г., между Чили, Перу и Боливіей 1882 г., греко-турецкая 1897 г. и др. были прекращены, благодаря посредничеству нейтральныхъ державъ, но если бы эти державы направили такую-же энергію на предупрежденіе этихъ войнъ, какую онѣ проявили въ дѣлѣ ихъ окончанія, возможно, что онѣ избавили бы тѣмъ Европу не отъ одного кроваваго потрясенія. Поэтому, рѣшительно необходимо превратить посредничество въ мѣру постоянную и организованую въ современной международной жизни. Государства нынѣ не могутъ относиться безучастно къ международнымъ спорамъ, гдѣ бы и между кѣмъ бы они ни возникли: теперь .война, вспыхнувшая только между двумя государствами, становится общимъ бѣдствіемъ. Предотвратить его должно усиліями всѣхъ государствъ и каждаго въ отдѣльности. Поэтому всѣ правительства, при полномъ уваженіи взаимной независимости, должны были бы всегда предлагать спорящимъ свое посредничество, если только этимъ можно будетъ предотвратить тяжкія бѣдствія войны [1]).

Ст. 4. *Роль посредника сводится къ согласованію противоположныхъ претензій и къ успокоенію возбужденія, которое могло возникнуть изъ спора между сторонами.*

Ст. 5. *Задача посредника прекращается съ того момента, когда либо одною изъ сторонъ, либо самимъ посредникомъ будетъ констатировано, что предложенные имъ способы примиренія не были приняты.*

---

[1]) Замѣчанія проф. Мартенса къ ст 5 русскаго проекта въ отчетѣ Декана (стр 64 — 67)

Ст. 6. *Добрыя услуги и посредничество, предложенныя по просьбѣ спорящихъ сторонъ или по собственному почину державъ, спору непричастныхъ, носятъ всегда характеръ совѣта и никогда не имѣютъ обязательной силы.*

Посредничество никакъ нельзя смѣшивать съ третейскимъ рѣшеніемъ, которое есть рѣшеніе судебное и обязательное. Посредничество не есть также вмѣшательство во внутреннія или внѣшнія дѣла другого государства. То, что прежде иногда называли „вооруженнымъ посредничествомъ“, не есть посредничество. Эти два понятія, посредничество и принужденіе, исключаютъ возможность между державами какой бы то ни было гегемоніи, личной или коллективной, путемъ ли нравственнаго давленія или принужденія. Они сводятъ посредничество къ дружескимъ совѣтамъ, которые всегда свободно испрашиваются и предлагаются, принимаются и отклоняются.

Ст. 7. *Принятіе посредничества не можетъ имѣть послѣдствіемъ, — при отсутствіи противоположной о томъ конвенціи, — перерывъ, замедленіе или пріостановку мобилизаціи и другихъ подготовительныхъ къ войнѣ мѣръ. Если же оно наступитъ по открытіи враждебныхъ дѣйствій, оно также, при отсутствіи конвенціи объ этомъ, не прерываетъ текущихъ военныхъ операцій*

Статья эта не можетъ быть одобрена. Деканъ приписываетъ ее иниціативѣ гр. Нигра и оправдываетъ соображеніемъ облегчить державамъ (особенно великимъ) принятіе посредничества. Впрочемъ, онѣ остаются вольны высказаться (въ особой конвенціи) и за болѣе радикальныя послѣдствія принятаго ими посредничества.

Намъ представляется эта аргументація несостоятельною: какое посредничество будетъ имѣть успѣхъ, если приготовленія къ войнѣ пойдутъ своимъ чередомъ или если даже оно не пріостановитъ враждебныхъ дѣйствій? Возбужденіе сторонъ при такихъ условіяхъ

съ самаго начала обречетъ всѣ попытки посредника на безсиліе И въ проектѣ гр. Нигра мы находимъ иную мысль: „предложеніе посредничества или третейскаго суда, *пока оно формально не принято всѣми спорящими сторонами*, не можетъ имѣть послѣдствіемъ“ и т. д. (какъ въ ст. 7) [1]). Но такое принятіе должно пріостанавливать, на время переговоровъ, мобилизацію и военныя дѣйствія.

Ст. 8. *Державы согласились рекомендовать, когда обстоятельства это дозволяютъ, примѣненіе спеціальнаго посредничества въ слѣдующей формѣ.*

Въ случаѣ серьезнаго разногласія, угрожающаго нарушеніемъ миру, спорящія государства выбираютъ по одной державѣ, которой они поручаютъ вступить въ непосредственныя сношенія съ державою, избранною противною стороною, въ видахъ предотвращенія нарушенія мирныхъ отнотеній.

Во время продолженія этого порученія, срокъ котораго, за отсутствіемъ другого уговора, не можетъ превосходить тридцати дней, спорящія государства прекращаютъ всякія непосредственныя сношенія по вопросу ихъ разногласія, который считается переданнымъ исключительно на обсужденіе державъ-посредницъ. Послѣднія обязаны приложить всѣ старанія къ его улаженію.

Въ случаѣ дѣйствительнаго нарушенія мирныхъ сношеній, на этихъ державахъ продолжаетъ лежать обязанность—пользоваться каждымъ случаемъ для возстановленія мира.

Постановленіе настоящей статьи предложено Гоольсъ, делегатомъ Соед. Штатовъ (онъ рекомендовалъ только 20-дневный срокъ этого посредничества) [2]). Этимъ желаютъ создать еще нѣкоторый оплотъ для мира. Вмѣсто войны испробуйте, говорятъ намъ, еще

---

[1]) *Descamps*: „Rapport“, p. 85.

[2]) *Descamps*. ib, p. 82.

обращеніе къ безпристрастнымъ, внушающимъ вамъ довѣріе, посредникамъ. Для бо́льшаго успѣха пусть каждый выставитъ своего посредника; они ведутъ переговоры по спорному пункту, а для возбужденныхъ соперниковъ дается нѣкоторый срокъ, который тоже можетъ подѣйствовать на нихъ успокаивающимъ образомъ.

III.

О международныхъ слѣдственныхъ коммиссіяхъ.

Ст. 9. *Въ такихъ международныхъ спорахъ, которые не затрогиваютъ ни чести, ни существенныхъ интересовъ, но которые вытекаютъ изъ различной оцѣнки фактовъ, державы полагаютъ полезнымъ, чтобы стороны, не пришедшія къ соглашенію путемъ дипломатическимъ, учреждали, насколько позволятъ обстоятельства, международную слѣдственную коммиссію* [1]), *которая содѣйствовала бы рѣшенію этихъ споровъ путемъ безпристрастнаго и добросовѣстнаго разъясненія фактической стороны дѣла.*

Пользу такихъ коммиссій особенно отстаивалъ г. Мартенсъ. При возникновеніи какого-либо инцидента, наприм., на границѣ, говорилъ онъ, общественное мнѣніе съ той и съ другой стороны быстро приходитъ въ возбужденіе и тутъ чрезвычайно важно, прежде всего, разслѣдовать и опредѣлить, на основаніи фактовъ, причину спора. Это и должна сдѣлать предлагаемая коммиссія; ея дѣло—представить докладъ, а не принять рѣшеніе, могущее связать стороны. Затѣмъ, пока составляется ею отчетъ, выигрывается время,

[1]) Une commission internationael d'enquéte.

страсти успокоиваются и споръ утрачиваетъ свою первоначальную остроту. Но назначать подобныя коммиссіи правительства могутъ, очевидно, лишь подъ условіемъ, чтобъ это ни въ чемъ не угрожало ни ихъ чести, ни ихъ жизненнымъ интересамъ.

Многіе возстали противъ обязательнаго учрежденія подобныхъ коммиссій. Ламмашъ настаивалъ на чисто-факультативномъ къ нимъ обращеніи. Сильную оппозицію оказала румынская делегація. По словамъ Бельдиманъ, коммиссіи эти противорѣчили бы суверенитету государствъ и представили бы для нихъ опасное нововведеніе, особенно съ обязательнымъ характеромъ. Мнѣніе это отчасти поддерживали делегаты Сербіи, Болгаріи и Греціи. Комитетъ сначала склонялся къ принципу обязательности (обращенія къ коммиссіямъ), смягченному оговоркой: „насколько позволятъ обстоятельства“. Въ предложенной имъ первоначально редакціи было: „заинтересованныя державы соглашаются обращаться, насколько позволятъ обстоятельства, къ учрежденію международныхъ слѣдственныхъ коммиссій“ и т. д.

Редакція „считаютъ обязательнымъ“ должна быть предпочтена условной и растяжимой формулѣ: „полагаютъ полезнымъ“.

Ст. 10. *Международныя слѣдственныя коммиссіи учреждаются въ силу спеціальной конвенціи между спорящими сторонами.*

Эта конвенція [1]) *указываетъ факты, подлежащіе разсмотрѣнію, и опредѣляетъ полномочія коммиссаровъ.*

Она установляетъ порядокъ дѣлопроизводства.

Слѣдствіе носитъ состязательный характеръ [2]).

---

[1]) Convention d'enquétee

[2]) Contradictoirement, т.-е одна сторона должна быть освѣдомляема объ утвержденіяхъ другой.

Формы и сроки его установляются, если они не опредѣлены въ конвенціи, самою коммиссіею.

Статья эта прибавлена къ русскому проекту по предложенію Эйшена. Гр. Нигра, высказываясь за спеціальныя конвенціи объ учрежденіи занимающихъ насъ коммиссій, указалъ на пользу аналогіи между ними и компромиссами при обращеніи къ третейскому суду.

Ст. 11. *Международныя слѣдственныя коммиссіи составляются, при отсутствіи объ этомъ иного какого-либо соглашенія, сообразно съ правилами, высказанными въ ст. 32 настоящей конвенціи.*

Новая аналогія между этими коммиссіями и третейскими судами. Голльсъ сдѣлалъ оговорку, съ которою нельзя не согласиться: слѣдовало бы дать въ ихъ составѣ перевѣсъ нейтральному элементу (наприм., назначать въ такія коммиссіи, при 5 членахъ, троихъ, изъ нейтральныхъ), что возвысило бы авторитетъ ихъ работъ.

Ст. 12. *Спорящія стороны обязываются доставлять международной слѣдственной коммиссіи въ возможно широкой для нихъ мѣрѣ всѣ средства и облегченія, нужныя для полнаго ознакомленія и точной оцѣнки данныхъ фактовъ.*

Въ виду боязни, высказанной нѣкоторыми, чтобы заключающееся въ настоящей статьѣ обязательство не явилось иногда угрожающимъ для безопасности того или иного государства, сдѣлана оговорка: „въ *возможно* широкой для нихъ мѣрѣ“ [1]) (согласно со ст. 81 брюссельскаго акта 1890 г.).

Ст. 13. *Международная слѣдственная коммиссія представляетъ спорящимъ державамъ докладъ, подписанный всѣми ея членами.*

[1]) Dans la plus large mesure que les puissances jugeront possible.

Ст. 14. *Этотъ докладъ, ограничиваясь констатированіемъ фактовъ, вовсе не имѣетъ характера третейскаго рѣшенія. Имъ предоставляется спорящимъ державамъ полная свобода въ выборѣ тѣхъ послѣдствій, которыя онѣ захотятъ дать состоявшемуся удостовѣренію фактовъ.*

Комитетъ предпочелъ эту краткую, но широкую формулу первоначальной редакціи русскаго проекта, въ которомъ говорилось: „докладъ коммиссіи оставляетъ за спорящими правительствами полную свободу или придти на основаніи его къ дружественному соглашенію, или обратиться къ третейскому разбирательству и заключить спеціальное для этого соглашеніе, или же, наконецъ, прибѣгнуть къ фактическимъ способамъ (защиты своихъ правъ), допускаемымъ во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ". Особенно послѣдняя фраза, какъ бы ссылающаяся на право войны, найдена излишнею въ этомъ актѣ конференціи мира.

Послѣдній, четвертый, титулъ занимающей насъ конвенціи касается самаго важнаго вопроса: международнаго третейскаго суда. Онъ распадается на три главы: о третейской юстиціи; о постоянномъ третейскомъ судѣ; о третейскомъ производствѣ. „Чѣмъ болѣе развивается право,—говоритъ Деканъ,—и водворяется въ общество народовъ, тѣмъ болѣе третейскій судъ представляется связаннымъ со строемъ этого общества. Въ немъ кроется принципъ какъ мирнаго, такъ равно и юридическаго рѣшенія международныхъ споровъ, способнаго обезпечить право каждаго и охранять достоинство всѣхъ. Юрисдикція добровольная по своему основанію и компетенціи, она вполнѣ согласуется съ справедливыми требованіями суверенитета, будучи лишь его просвѣщеннымъ проявленіемъ. Ибо если нѣтъ высшей власти надъ государствами, которая могла бы имъ навязать судъ, то ничто не мѣшаетъ имъ съ общаго согласія избрать для рѣшенія ихъ споровъ третейскаго судью и предпочесть, такимъ образомъ, хотя менѣе совершенный способъ отправленія правосудія,

другимъ средствамъ отстоянія своихъ требованій, гораздо болѣе рискованнымъ и тяжелымъ".

IV.

О международномъ третейскомъ судѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О третейской юстиціи.

Ст. 15 *Международный третейскій судъ свое задачею имѣетъ—рѣшеніе споровъ между государствами посредствомъ избранныхъ ими судей и на основаніи уваженія къ праву.*

Международная третейская юстиція — говоритъ Деканъ — не стремится вытѣснить прямые переговоры: она примѣняется къ спорамъ, которые не могли быть рѣшены дипломатическими способами. Но она не уничтожаетъ также посредничества, которое, становясь на почву примиренія и уступокъ, располагаетъ недоступными ей способами соглашенія. Но среди мирныхъ способовъ окончанія споровъ между государствами она сохраняетъ свою опредѣленную и особую физіономію. Три основныя черты характеризуютъ третейскую юстицію: она *окончательно рѣшаетъ* предъявленные ей международные споры; рѣшаетъ ихъ на основаніи уваженія къ праву, т.-е. *сообразно съ требованіями справедливости* и органами ея являются *судьи, избранные самими государствами* по общему соглашенію.

Ст. 16. *Въ вопросахъ юридическихъ и прежде всего въ вопросахъ толкованія и примѣненія конвенцій, державы признаютъ третейскій судъ наиболѣе дѣйствительнымъ и спра-*

ведливымъ способомъ рѣшенія тѣхъ споровъ между ними, которые не были устранены дипломатическими путями.

Не всякаго рода споры, по мнѣнію Декана, поддаются третейскому разбирательству. Это слѣдуетъ особенно сказать о тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ противоположныя притязанія сторонъ не могутъ быть формулированы юридически. Таковы: столкновенія интересовъ, разногласія политическія; они, строго говоря, не подлежатъ третейскому суду. Но для споровъ о правѣ, не рѣшенныхъ дипломатически, третейскій судъ является средствомъ наиболѣе дѣйствительнымъ, ибо онъ окончательно разрѣшаетъ спорный вопросъ, и наиболѣе справедливымъ, воздавая каждому, что ему принадлежитъ по праву. Настоящая статья, однако, не идетъ далѣе указанія этого общаго начала и не обязываетъ данную державу по отношенію къ какой-либо другой, предоставить извѣстный споръ на разбирательство третейскаго суда. На основаніи разбираемой конвенціи, каждое государство рѣшаетъ по собственному усмотрѣнію (souveraineté) предоставить ли, или нѣтъ, такой-то случай третейскому суду.

Ст. 17. *Договоръ о третейскомъ судѣ заключается либо въ виду уже возникшихъ, или только могущихъ еще возникнуть споровъ.*

Онъ обнимаетъ собою всякіе споры, или лишь споры опредѣленной категоріи.

Настоящая статья,—замѣчаетъ Деканъ, — не заключаетъ въ себѣ никакого обязательства для державъ: ею просто указывается объемъ, котораго могутъ достигнуть договоры о третейскомъ судѣ.

Эти договоры являются въ двоякой формѣ: или они заключаются *послѣ* возникновенія извѣстнаго спора и имѣютъ въ виду его юридическое рѣшеніе, это—компромиссъ въ точномъ смыслѣ. Или же они касаются *возможныхъ въ будущемъ* несогласій; это условіе (обязательство) о компромиссѣ (stipulation compromissoire). Не всѣ положительныя законодательства допускаютъ договоры послѣдняго

рода, и судебная практика не пришла повсюду къ однообразному на нихъ воззрѣнію. Но въ международной области такія сомнѣнія неумѣстны: эти договоры не создаютъ тутъ юрисдикціи; соперничающей съ другою, правительственною, но они установляютъ *органъ права, именно въ той области, гдѣ его нѣтъ*. Авторъ напоминаетъ объ успѣхахъ третейской юстиціи въ наши дни. По желанію третьей коммиссіи онъ составилъ интересный обзоръ новѣйшихъ третейскихъ договоровъ и условій, который и присоединилъ къ своему отчету [1]). Принципъ общаго третейскаго суда (примѣнимаго ко всѣмъ спорамъ между государствами) признанъ въ декларації 5 іюня 1894 г. между Нидерландами и Португаліею, но, однако, съ изъятіемъ споровъ, которые касаются ихъ независимости и автономіи. Безъ такого изъятія заключенъ договоръ между Италіей и Аргентиной 23 іюля 1898 г. [2]).

Ст. 18. *Договоръ о третейскомъ судѣ заключаетъ въ себѣ обязательство (сторонъ) добросовѣстно подчиниться его рѣшенію.*

Третейскій судъ не есть попытка къ примиренію. Наиболѣе характерная его черта состоитъ именно *въ совмѣстномъ подчиненіи государствъ рѣшенію судьи, ими самими избраннаго*. Нарушеніе этого обязательства равно нарушенію договора вообще, ибо оно скрѣплено именно договоромъ.

---

[1]) Relevé général des clauses de médiation et d'arbitrage concernant les puissances représentées à la Conférence de la Paix. (*Rapport*: p. 86 — 101)

[2]) Первая статья его гласитъ. „Высокія договаривающіяся стороны обязываются предоставлять на рѣшеніе третейскаго суда *всѣ споры, каковы бы ни были ихъ природа или причина*, могущіе возникнуть между ними и нерѣшенные дружески, непосредственными дипломатическими переговорами. Это условіе простирается на споры, которые могутъ имѣть свое начало ранѣе подписанія настоящаго договора. Хорошій комментарій къ этому трактату сдѣлалъ Корси. (*Corsi*. „Un nouveau traité d'arbitrage permanent“ въ *Revue génér de dr. int public*. 1899, № 1, p. 9 — 27)

Ст. 19. *Независимо отъ общихъ или спеціальныхъ договоровъ, въ которыхъ нынѣ державы признаютъ обязательнымъ для себя обращаться къ третейскому суду, эти державы предоставляютъ себѣ свободу заключить либо до ратификаціи настоящаго акта, либо послѣ нея, новые договоры, общіе или частные, съ цѣлью расширенія третейскаго суда на всѣ случаи, которые онѣ сочтутъ возможными ему предъявить.*

Въ настоящей статьѣ—центръ тяжести всего этого соглашенія о третейскомъ судѣ. Ею отвергнуть *обязательный* третейскій судъ, въ какой бы то ни было формѣ и признанъ одинъ судъ *факультативный*, чѣмъ вся эта форма сдѣлана проблематичною и поставлена въ сущности на зыбкую почву одного лишь усмотрѣнія сторонъ, т. е. на почву *политики*, а не *права*. Статья оговариваетъ свободу (!) державъ заключить новые третейскіе договоры [1]), но кто же эту свободу оспариваетъ и по правдѣ для этого не стоило писать настоящаго проекта. Самъ Деканъ, желающій представить все это дѣло въ розовомъ свѣтѣ, замѣчаетъ: „Рѣшеніе, принятое комитетомъ, носитъ характеръ компромисса (vote de transaction), вызваннаго желаніемъ добиться единогласія среди его членовъ". Самое важное тутъ именно было, чтобы державы на подобіе того, что сдѣлано въ Вашингтонскомъ договорѣ 1890 г. [2]), объявили *третейскій судъ принципомъ международнаго права* и обращеніе къ нему *обязательнымъ во всѣхъ* несогласіяхъ и спорахъ кромѣ развѣ тѣхъ, которые угрожаютъ ихъ *независимости*. Но обратимся къ фактамъ: ст. 19 резюмируетъ ст. 8—12 русскаго первоначальнаго проекта [3]). Къ разъясненію смысла его проф. Мартенсъ пред-

---

[1]) Les puissances se réservent (!) de conclure des accords nouveaux...

[2]) Текстъ см. въ сборникѣ „Право и миръ", стр. 440—442.

[3]) 6e *Rapport* p. 2 — 63.

ставилъ обстоятельную и любопытную записку о характерѣ и роли третейскихъ судовъ вообще [1]). Причины международныхъ столкновеній, читаемъ мы въ ней, очень многочисленны и разнообразны до безконечности, но требованія, обращаемыя изъ-за нихъ государствами другъ къ другу, сводятся къ слѣдующимъ категоріямъ: 1) или они взыскиваютъ за матеріальные убытки, причиненные имъ или ихъ подданнымъ поступками другого государства или его подданныхъ въ нарушеніе права, или же 2) они требуютъ, чтобы другое государство не допускало тѣхъ или иныхъ проявленій своей верховной власти, не совершало опредѣленныхъ дѣйствій, не входящихъ въ кругъ матеріальныхъ интересовъ.

По отношенію къ спорамъ первой категоріи обязательный третейскій судъ всегда возможенъ и желателенъ. Тутъ рѣчь идетъ о вопросахъ права; они не касаются ни національной чести государствъ, ни ихъ жизненныхъ интересовъ, ибо иначе они не могли бы удовольствоваться однимъ требованіемъ возмѣщенія за матеріальные убытки. Война по поводу ихъ не имѣла бы никакого нравственнаго оправданія въ виду именно малозначительности этихъ пререканій, но тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для мирнаго ихъ окончанія долженъ быть признанный обязательный третейскій судъ. Исторія показываетъ намъ, что обращенія къ третейскому суду были, большею частью; вызываемы требованіями о вознагражденіи за понесенные убытки. Въ случаяхъ исключительныхъ, когда денежный вопросъ получаетъ, съ точки зрѣнія интересовъ данной державы, капитальное значеніе, наприм., въ вопросѣ о несостоятельности, каждая держава вольна, ссылаясь на свою національную честь или жизненные интересы, отклонить третейскій судъ, какъ способъ рѣшенія спора.

---

[1]) Ibid, p 67 — 72.

Что же касается до споровъ второй категоріи, гораздо болѣе важныхъ и угрожающихъ общему миру, то повидимому, обязательный третейскій судъ къ нимъ не можетъ быть примѣняемъ, ибо къ этой категоріи принадлежатъ всякаго рода пререканія, возникающія на почвѣ политическихъ договоровъ, которые касаются жизненныхъ интересовъ и національной чести государствъ. Обязательный третейскій судъ, въ этихъ случаяхъ, связалъ бы заинтересованное государство по рукамъ и по ногамъ, поставилъ бы его въ пассивное положеніе по вопросамъ, отъ которыхъ большею частью зависитъ его безопасность, т.-е, по вопросамъ, по которымъ только оно само можетъ быть верховнымъ судьей. Вводя обязательный третейскій судъ въ международную жизнь, надо поступать съ величайшею осмотрительностью и не расширяя чрезъ мѣру область его примѣненія, чтобы не поколебать довѣріе къ нему и не дискредитировать его въ глазахъ правительствъ и народовъ. До сихъ поръ взаимныя права и обязательства государствъ опредѣляются большею частью политическими договорами, которые суть не что иное, какъ временныя выраженія случайныхъ и переходныхъ соотношеній между ихъ различными національными силами. Эти договоры связываютъ свободу дѣйствія сторонъ, доколѣ остаются неизмѣнными политическія условія, ихъ породившія. Но разъ эти условія измѣняются, съ необходимостью измѣнятся права и обязательства, вытекающія изъ этихъ договоровъ. Отсюда, споры, возникающіе изъ политическихъ договоровъ, вращаются по большей части не около интерпретаціи той или иной нормы, а направляются къ измѣненію или даже къ совершенной отмѣнѣ нормъ, ставшихъ предметомъ спора. Вотъ почему державы, принимающія активную роль въ политической жизни Европы, не могутъ согласиться на предоставленіе споровъ изъ-за политическихъ трактатовъ на рѣшеніе третейскаго суда, въ глазахъ котораго норма, установленная трактатомъ, будетъ также обязательна и неприкосновенна,

какъ норма любого положительнаго закона въ глазахъ всякаго національнаго суда.

На основаніи всего этого, съ точки зрѣнія практической политики невозможность третейскаго суда, общаго и обязательнаго, представляется очевидною.

Такова аргументація записки русской делегаціи. Ей нельзя отказать въ послѣдовательности и ясности. Но, къ сожалѣнію, основной ея пунктъ, по собственному ея признанію,—соображенія практической политики. Эти же соображенія не единственныя и даже не главныя въ столь важномъ и новомъ вопросѣ, какъ тотъ, который насъ теперь занимаетъ. Конференція, казалось бы, была призвана сдѣлать что-либо новое, плодотворное для народовъ, а не подводить лишь итоги старымъ заблужденіямъ и предразсудкамъ дипломатовъ. Малозначительность бывшихъ доселѣ третейскихъ рѣшеній въ значительной степени объясняется случайнымъ, временнымъ характеромъ, т.-е., неорганизованностью третейской юстиціи. Трудно понять, почему въ серьезныхъ спорахъ правительства довѣряютъ ихъ рѣшенію, силѣ и дипломатіи, а не праву? И въ спорахъ политическихъ не трудно открыть элементъ юридическій, который требуетъ рѣшенія по принципамъ справедливости и права и такъ рѣшенъ не можетъ быть, лишь бы только стороны серьезно и добросовѣстно хотѣли и искали правды. Ничто не мѣшало бы имъ, признавъ обязательность третейскаго суда, высказывать, въ руководство его, извѣстныя начала для конкретныхъ случаевъ и изъ вѣдѣнія его изъять развѣ только вопросы, связанные съ ихъ независимостью.

Русская записка признаетъ вѣрность вышеизложеннаго начала, но только для „вопросовъ второстепенныхъ“ (les questions d'ordre secondaire). Это вопросы, касающіеся спеціальныхъ пунктовъ права и не затрогивающіе ни жизненныхъ интересовъ, ни національной чести государствъ. По отношенію къ нимъ третейскій судъ мо-

жетъ быть примѣняемъ всегда и абсолютно. Признаніе принципа обязательности этого суда, хотя бы въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, укрѣпило бы начало права въ сношеніяхъ народовъ, гарантировало бы ихъ противъ всякаго рода нарушеній и посягательствъ, однимъ словомъ, нейтрализовало бы, такъ сказать, болѣе или менѣе обширныя области международнаго права. Обязательный третейскій судъ оказалъ бы неоцѣнимую услугу дѣлу общаго мира.

Указанныя достоинства этого института, выставляемыя русскою запискою, и заставляютъ жалѣть, что она относится къ нему съ такою боязливостью и крайнею осторожностью (circonspection extrême), но,—увы!—даже и онѣ не помогли.

Русская записка старается съ большею точностію очертить кругъ примѣненія обязательнаго третейскаго суда. На первомъ планѣ она ставитъ толкованіе тѣхъ новѣйшихъ, общихъ договоровъ, которыми созданы международныя уніи (почтовая, телеграфная, литературная и т. д.). Между тѣмъ какъ остальные трактаты суть, по общему правилу, лишь *искусственные компромиссы между противоположными интересами*, эти договоры объ уніяхъ являются всегда, и съ необходимостію *соглашеніями интересовъ тождественныхъ и общихъ*. На почвѣ ихъ никогда не могутъ возникнуть серьезныя и неразрѣшимыя столкновенія, носящія характеръ національный, и въ которыхъ интересы сторонъ взаимно исключали бы другъ друга.

Что же касается до несогласій, происходящихъ относительно ихъ толкованія, каждое государство съ охотою предоставитъ ихъ разрѣшеніе третейскому суду, и это тѣмъ болѣе, что всѣ они одинаково заинтересованы въ неприкосновенности этихъ договоровъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что первый опытъ введенія въ международную практику обязательнаго третейскаго суда былъ именно сдѣланъ такимъ договоромъ, учредившимъ почтовый союзъ въ 1874 г. (ст. 16 этого трактата).

Нынѣ къ разряду подобныхъ общихъ соглашеній, допускающихъ обязательный третейскій судъ, должны быть отнесены договоры двухъ слѣдующихъ категорій: во-1-хъ, тѣ, которые имѣютъ въ виду международную охрану великихъ артерій міровыхъ сношеній, какъ-то конвенціи: почтовыя, телеграфныя, желѣзнодорожныя, объ охранѣ морскихъ подводныхъ кабелей, о предупрежденіи столкновеній судовъ въ открытыхъ моряхъ, о судоходствѣ по международнымъ рѣкамъ и каналамъ, во-2-хъ, договоры, оберегающіе умственные и нравственные интересы либо отдѣльныхъ государствъ, либо всего международнаго союза. Сюда относятся конвенціи: объ охранѣ литературной, артистической и музыкальной собственности, объ охранѣ промышленной собственности (торговыхъ и фабричныхъ марокъ, патентовъ на изобрѣтеніе), о мѣрахъ и вѣсахъ, санитарныя, ветеринарныя, о мѣрахъ борьбы съ филоксерой.

Кромѣ того, обязательный третейскій судъ могъ бы быть примѣняемъ къ несогласіямъ по поводу толкованія и приложенія договоровъ, касающихся спеціальныхъ областей международнаго гражданскаго и уголовнаго права. Впрочемъ до нынѣ всѣ наиболѣе важные вопросы международнаго гражданскаго права опредѣляются законодательствами отдѣльныхъ государствъ. Это послѣдствіемъ своимъ имѣетъ крайнюю неопредѣленность взаимныхъ правъ и обязательствъ лицъ въ международномъ оборотѣ и поставило на очередь вопросъ о кодификаціи частнаго международнаго права. Пока послѣдній вопросъ не будетъ рѣшенъ—въ смыслѣ ли заключенія государствами отдѣльныхъ конвенцій, или одного общаго договора—будетъ благоразумнѣе допускать обязательный третейскій судъ лишь для вопросовъ, возникающихъ по праву наслѣдованія, достаточно уже регулированному въ трактатахъ.

Въ сферѣ уголовной сюда могутъ быть причислены договоры, направленные къ взаимному содѣйствію государствъ въ дѣлѣ отправленія правосудія. Тутъ возникаютъ, при толкованіи договоровъ

этого рода, вопросы чисто-юридическаго характера, которые вполнѣ пригодны для постояннаго третейскаго разбирательства. Наконецъ, къ перечисленнымъ категоріямъ договоровъ слѣдуетъ отнести еще споры по разграниченію границъ, насколько они носятъ характеръ чисто технической, а не политической.

Записка русской делегаціи заканчивается словами: можно надѣяться, что современемъ обязательный третейскій судъ будетъ расширенъ и на случаи, нынѣ не предусмотрѣнные, но даже въ намѣченныхъ границахъ введеніе его будетъ не мало содѣйствовать торжеству великихъ началъ права и справедливости въ международной жизни.

Сообразно со всѣмъ изложеннымъ русскій проектъ постановляетъ: каждое государство само рѣшаетъ вопросъ о томъ, долженъ ли, или нѣтъ, данный вопросъ поступить на разсмотрѣніе третейскаго суда, кромѣ случаевъ, ниже перечисленныхъ (ст. 9). Съ момента ратификаціи настоящаго акта, державы, его подписавшія, признаютъ для себя обязательнымъ третейскій судъ въ слѣдующихъ случаяхъ, поскольку ими не затрогиваются жизненные интересы или національная честь сторонъ: 1) споры о денежныхъ убыткахъ, возникшихъ изъ недозволенныхъ дѣйствій, или небрежности другого государства или его подданныхъ; 2) пререканія о толкованіи или примѣненіи четырехъ группъ конвенцій, указанныхъ въ русской докладной запискѣ (ст. 10 [1]). Государства предоставляютъ себѣ возможность расширять третейскія конвенціи и на другіе еще предметы (ст. 11). Затѣмъ для всѣхъ остальныхъ случаевъ, хотя третейскій судъ, конечно, очень желателенъ и рекомендуется настоящимъ актомъ, но онъ остается факультативнымъ, т.-е. можетъ быть примѣняемъ лишь по свободному почину одной изъ споря-

[1]) Третья группа ихъ значится такъ. „конвенціи о наслѣдованіи, картели и о взаимной судебной помощи“. Во второй категоріи конвенціи о мѣрахъ и вѣсахъ замѣнены монетными.

щихъ сторонъ и съ полнаго согласія другой или другихъ сторонъ (ст. 12).

Редакціонный комитетъ сначала одобрилъ систему русскаго проекта. Но дальнѣйшія пренія вызвали существенныя въ немъ измѣненія. Относительно вознагражденія за убытки былъ поставленъ вопросъ, что не слѣдуетъ ли при *предоставленіи* этихъ споровъ на рѣшеніе обязательнаго третейскаго суда—ограничить подобныя требованія опредѣленными суммами (какъ было высказано въ англо-американскомъ протестѣ) или допускать ихъ лишь въ случаяхъ признанія сторонами самаго принципа вознагражденія. Послѣднее мнѣніе одержало на первыхъ порахъ верхъ. Переходя къ толкованію и примѣненію конвенцій извѣстныхъ категорій, члены комитета не могли согласиться на счетъ конвенцій монетныхъ и о судоходствѣ по международнымъ рѣкамъ и каналамъ. Къ выставленнымъ въ русскомъ проектѣ договорамъ прибавлены соглашенія о гражданскомъ судопроизводствѣ и о взаимномъ безвозмездномъ содѣйствіи неимущимъ больнымъ. Предложеніе нѣкоторыхъ о томъ, чтобы причислить сюда еще торговые договоры и женевскую конвенцію, не прошло. Такимъ образомъ комитетъ въ началѣ высказался за примѣненіе обязательнаго третейскаго суда къ спорамъ при примѣненіи и толкованіи 12 категорій конвенцій [1]), кромѣ вопросовъ о вознагражденіи за убытки.

---

[1]) Вотъ ихъ перечень 1) конвенціи почтовыя, телеграфныя и телефонныя; 2) объ охранѣ подводныхъ морскихъ кабелей; 3) желѣзнодорожныя; 4) о мѣрахъ предупрежденія столкновеній судовъ въ морѣ; 5) объ охранѣ литературныхъ и артистическихъ произведеній; 6) объ охранѣ промышленной собственности; 7) о мѣрахъ и вѣсахъ; 8) о взаимной безвозмездной помощи неимущимъ больнымъ; 9) конвенціи санитарныя, объ эпизоотіяхъ, филоксерѣ и иныхъ подобныхъ бичахъ; 10) о гражданскомъ судопроизводствѣ; 11) о выдачѣ преступниковъ; 12) о разграниченіяхъ, поскольку рѣчь тутъ идетъ о вопросахъ чисто техническихъ, а не политическихъ

Но окончательно все дѣло разбилось о противодѣйствіе Германіи. Къ ней пристала ея вѣрная союзница Турція и, что менѣе всего понятно, нѣкоторыя изъ балканскихъ государствъ. Гр. Мюнстеръ объявилъ, что обязательный третейскій судъ не совмѣстимъ съ державною властію монарха, который основываетъ свои полномочія на божественномъ правѣ. Ему пришлось послать своихъ товарищей, Цорна и Штенгеля, за новыми инструкціями въ Берлинъ. Цорнъ, настаивая на вычеркнутіи всей этой статьи (10-й русскаго проекта), заявилъ отъ имени своего правительства, что, по мнѣнію Германіи, слишкомъ поспѣшное введеніе въ международное право обязательнаго третейскаго суда скорѣе повлечетъ за собою вредъ, нежели пользу для мира въ Европѣ. Тогда, послѣ долгихъ еще преній, принята въ вышеприведенной редакціи ст. 19, по широтѣ своей, никого не обязывающая къ чему-либо опредѣленному.

Но, опровергнувъ обязательность третейскаго суда, конференція высказалась за необходимость, по крайней мѣрѣ, постояннаго устройства такового. Это — главный, достигнутый ею, успѣхъ. Вопросу объ этомъ судѣ посвящены ст. 20 и слѣд. настоящей конвенціи. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ представителю Англіи, Поунсфоту. Внося свой проектъ, [1]) онъ, между прочимъ, сказалъ: „если желаютъ достичь чего-либо серьезнаго въ области третейской юстиціи, необходимо организовать постоянный международный судъ (un tribunal international permanent), который могъ бы сойтись немедленно по требованію спорящихъ сторонъ. Согласившись въ принципѣ, намъ не трудно будетъ сговориться насчетъ подробностей. Необходимость подобнаго суда и польза, которую онъ доставитъ третейскому разбирательству вообще, были выяснены нашимъ уважаемымъ товарищемъ Деканъ въ его интересной работѣ:

---

[1]) Rapport, p. 80—81.

„Организація международнаго третейскаго суда“ [1]), извлеченія изъ которой помѣщены въ актахъ, представленныхъ нидерландскимъ правительствомъ въ нашей конференціи“. Основныя черты англійскаго проекта состояли въ слѣдующемъ: 1) Каждая изъ договаривающихся сторонъ назначаетъ одинаковое число лицъ, имена которыхъ заносятся въ общій списокъ членовъ предлагаемаго суда. 2) Изъ этого списка свободно избираются сторонами тѣ лица, которыя призваны составить третейскій судъ для даннаго случая. 3) Въ Гаагѣ учреждается международное бюро, которое служитъ канцеляріею (greffe) для суда и несетъ административныя обязанности. 4. Учреждается еще постоянный совѣтъ для администраціи и высшаго контроля, составленный изъ дипломатическихъ представителей державъ въ Гаагѣ подъ предсѣдательствомъ министра иностранныхъ дѣлъ Нидерландовъ.

Кромѣ этого англійскаго проекта, въ комитетъ поступили по этому вопросу еще два предложенія: русское и американское.

Россія предлагала [2]): 1) Чтобы конференція избрала на срокъ до слѣдующей конференціи пять державъ, изъ которыхъ каждая, при возникновеніи просьбы о третейскомъ разбирательствѣ, назначитъ одного судью либо изъ своихъ гражданъ, либо изъ посторонних [3]). 2) Чтобы было учреждено въ Гаагѣ постоянное бюро съ цѣлью извѣщать эти пять державъ о поступленіи къ нему просьбъ о третейскомъ разбирательствѣ.

Американскій проектъ [4]) сводился къ слѣдующему: 1) Назначеніе членовъ международнаго суда высшими судами договаривающихся

---

[1]) Она переведена цѣликомъ въ сборникѣ *Право и миръ*, стр. 412—499.

[2]) Rapport, p 72—73.

[3]) Если спорящія стороны не имѣли бы своего представителя (судью) въ этомъ судѣ, онѣ могли бы назначить такового на равныхъ съ остальными правахъ.

[4]) Rapport, p. 82—83.

государствъ. 2) Судъ считается организованнымъ, какъ скоро объ этомъ согласятся девять державъ (изъ нихъ восемь, по крайней мѣрѣ, должны быть европейскія или американскія и четыре изъ числа подписавшихъ парижскую конвенцію). 3) Составъ третейской юрисдикціи въ каждомъ конкретномъ случаѣ опредѣляется въ конвенціяхъ спорящихъ сторонъ. Въ силу этихъ конвенцій въ судьи могутъ быть избраны или всѣ члены предлагаемаго суда, или только нѣкоторые, въ нечетномъ числѣ, не менѣе въ числѣ троихъ. Въ послѣднемъ случаѣ ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть гражданиномъ (originaire sujet ou citoyen) заинтересованныхъ государствъ. 4) Государствамъ предоставляется право, въ опредѣленныхъ случаяхъ и въ указанные сроки, вторично вносить то же дѣло передъ тѣми же судьями.

Комитету пришлось сдѣлать нѣкоторое извлеченіе и объединенія изъ этихъ проектовъ. Самое названіе новаго суда прошло не безъ преній. Англійскій проектъ, какъ мы видѣли, называетъ этотъ судъ „tribunal permanent d'arbitrage“. Цорнъ предложилъ замѣнить это словами: „cour des arbitres“, члены комитета остановились на названіи: „tribunal arbitral“, но въ текстѣ конвенціи введено его обозначеніе, какъ: cour permanente d'arbitrage“.

Установленіе постояннаго третейскаго суда,—замѣчаетъ Деканъ,—соотвѣтствуетъ глубокимъ потребностямъ цивилизованныхъ народовъ, достигнутымъ уже успѣхамъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, современному положенію международнаго процесса (contentieux international), наконецъ, исканію болѣе доступной справедливости подъ сѣнію лучше обезпеченнаго мира. Судъ, о которомъ мы говорили, призванъ сдѣлаться оплотомъ правосознанія въ мірѣ. Введеніе его не представляетъ непреодолимыхъ препятствій, если мы проникнемся мыслію, что международный союзъ покоится на

принципѣ соглашенія, а не властвованія [1]) и, въ силу этого придадимъ новому органу международной справедливости характеръ „суда свободнаго въ средѣ независимыхъ государствъ“. Проектъ, выработанный междупарламентской конференціею въ Брюсселѣ, покоился на этомъ основномъ началѣ [2]).

Буржуа, отъ имени французской делегаціи, одобрилъ принципъ предлагаемой реформы подъ условіемъ двоякой гарантіи: свободнаго обращенія спорящихъ къ постоянному суду и возможности для нихъ самимъ избирать судей. По его мнѣнію, постоянное бюро должно бы получить международное правомочіе (mandat international), точно опредѣленное, которое облегчало бы ему инициативу въ дѣлѣ приглашенія державъ къ обращенію въ третейскій судъ. Другими словами, при возникновеніи между ними несогласій и въ предѣлахъ, намѣченныхъ настоящею конвенціею, бюро должно было бы выступать между ними въ качествѣ посредника, напоминать имъ о возможности, или даже объ обязательствѣ, на основаніи обсуждаемой конвенціи, обращаться къ суду и облегчать имъ всѣ нужные для этого подготовительные шаги. Этимъ устранится одинъ важный, до нынѣ господствующій въ практикѣ, недостатокъ: предложеніе объ обращеніи къ третейскому суду вмѣняется его автору, какъ актъ слабости, а не какъ сознаніе въ его правотѣ. Эта мысль французской делегаціи была превращена позднѣе въ ст. 27 настоящей конвенціи.

Цорнъ и въ настоящемъ случаѣ не преминулъ заявить, что новое учрежденіе является, въ его глазахъ, преждевременнымъ и выходящимъ далеко за предѣлы первоначальной программы. Напротивъ, гр. Нигра и Одье энергично поддержали идею новаго суда.

---

[1]) La communauté internationale est une société de coordination et non de subordination.

[2]) Текстъ его въ русскомъ переводѣ помѣщенъ въ сборникѣ *Право и миръ*, стр. 542—545.

Въ мірѣ, сказалъ послѣдній, пробудилась не одна надежда, но и ожиданіе. Общественное мнѣніе убѣждено, что въ дѣлѣ третейскаго суда важные результаты будутъ достигнуты конференціею. Кто сомнѣвается въ томъ, что въ настоящую минуту мы въ состояніи сдѣлать новый рѣшительный шагъ впередъ на пути прогресса? Если же мы отступимъ, или сведемъ къ малымъ размѣрамъ ожидаемую отъ насъ реформу, мы рискуемъ принять на себя и на наши правительства тяжкую отвѣтственность и вызвать общее разочарованіе. Реформа, которую мы можемъ предложить человѣчеству, это — учрежденіе постояннаго собранія (corps permanent), которое свидѣтельствовало бы міру, такъ сказать, осязательно о достигнутомъ успѣхѣ.

Къ счастію, въ этомъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ, идеи болѣе прогрессивныя одержали верхъ надъ обычными рутиною и боязливостью дипломатовъ.

Ст. 20. *Въ видахъ облегченія обращенія къ третейскому суду въ тѣхъ спорахъ, которые не могли быть рѣшены путемъ дипломатическимъ, державы обязуются устроить постоянный третейскій судъ* [1]), *доступный во всякое время и дѣйствующій, при отсутствіи иныхъ на этотъ счетъ постановленій сторонъ сообразно съ правилами производства, высказанными въ настоящей конвенціи.*

Статья эта воспроизводитъ ст. 1 англійскаго проекта и выражаетъ обязательство сторонъ приступить къ организаціи постояннаго международнаго третейскаго суда. Въ ст. 20—30 настоящей конвенціи излагается порядокъ дѣйствія этого суда, если стороны не установятъ новаго порядка.

Ст. 21. *Постоянный судъ компетентенъ для всякаго рода третейскихъ случаевъ, за отсутствіемъ соглашенія сторонъ относительно установленія спеціальной юрисдикціи.*

[1]) Cour permanente d'arbitrage.

Введено по предложенію русской делегаціи съ цѣлію поставить на видъ два пункта: общую компетентность суда для всѣхъ третейскихъ случаевъ, обязательныхъ и факультативныхъ, и свободу, удерживаемую державами учреждать спеціальныя юрисдикціи, особыя отъ суда. Гр. Мацедо предложилъ было добавленіе, что „державы объявляютъ постоянный судъ болѣе предпочтительнымъ всякой другой юрисдикціи, когда только дозволятъ обстоятельства“, но это предложеніе, хотя и вызвало сочувствіе, было отклонено, чтобы, какъ говоритъ Деканъ, „не оказать давленія на свободу державъ.“

Ст. 22. *Въ Гаагѣ учреждается международное бюро, которое служитъ канцеляріею для суда. Оно дѣйствуетъ посредникомъ въ сношеніяхъ по созванію суда; хранитъ его архивы и завѣдуетъ всѣми административными дѣлами.*

Державы обязуются сообщать ему удостовѣренныя копіи со всѣхъ заключенныхъ ими третейскихъ конвенцій, а равно со всѣхъ, касающихся ихъ, третейскихъ рѣшеній, поставленныхъ спеціальными юрисдикціями.

Кромѣ того, они обязуются сообщать ему законы, распоряженія и иные документы, касающіеся исполненія рѣшеній, постановленныхъ судомъ.

Повторяемъ, съ небольшими уклоненіями, ст. 2 англійскаго проекта. По предложенію докладчика, бюро это названо не „центральнымъ“, а „международнымъ“, хотя основная его задача будетъ состоять въ централизованіи около себя всѣхъ наиболѣе важныхъ документовъ, относящихся къ третейскимъ юрисдикціямъ, какъ общимъ, такъ и спеціальнымъ.

Ст. 23. *Каждая держава назначаетъ, въ трехмѣсячный срокъ по утвержденіи ею настоящаго акта, не болѣе четырехъ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями по международному праву, нравственною доблестію и расположенныхъ принять на себя должность п*

Эти лица заносятся, въ качествѣ членовъ суда, въ списокъ, который сообщается бюро всѣмъ подписавшимъ (эту конвенцію) *державамъ.*

Всякое позднѣйшее измѣненіе въ спискѣ судей доводится бюро до свѣдѣнія державъ.

Двѣ или нѣсколько державъ могутъ сообща назначать одного или нѣсколькихъ членовъ. Одно и то же лицо можетъ быть назначено различными державами.

Члены суда назначаются на шестилѣтній срокъ. Ихъ полномочіе можетъ быть возобновлено.

Въ случаѣ смерти или выбытія члена суда, вакансія его замѣщается тѣмъ же способомъ, какъ происходило его назначеніе.

Въ англійскомъ проектѣ говорится о назначеніи „каждою державою двухъ лицъ, ея національности, изъ извѣстныхъ юристовъ или публицистовъ и пользующихся самою доброю нравственною славою". По американскому проекту члены суда (по одному отъ государства) избираются большинствомъ голосовъ верховными національными судами. О числѣ судей спорили не мало; остановились на четырехъ (по мысли Цорна), чтобы предоставить государствамъ возможность лучше разнообразить составъ своихъ третейскихъ делегацій. Правило о шестилѣтнемъ срокѣ службы судей (съ возможностью его продленія) внесено комитетомъ, хотя для дѣла, быть можетъ, было бы лучше его не опредѣлять: служба судей вообще безсрочна (если нѣтъ только предѣльнаго возраста). Постановленіе о томъ, что державы могутъ сообща назначать одного или многихъ членовъ и одно лицо можетъ быть назначаемо отъ различныхъ державъ, заимствовано, по предложенію докладчика, изъ брюссельскаго проекта междупарламентской конференціи.

Ст. 24. *Когда державы пожелаютъ обратиться къ постоянному суду для рѣшенія возникшаго между ними спора,*

онъ должны избрать членовъ компетентныхъ для этого суда изъ общаго списка членовъ постояннаго суда.

Въ случаѣ отсутствія непосредственнаго на этотъ счетъ соглашенія сторонъ, поступаютъ такъ:

Каждая сторона назначаетъ по два члена, а эти избираютъ вмѣстѣ общаго посредника (surarbitre). *Въ случаѣ раздѣленія ихъ голосовъ, выборъ общаго посредника предоставляется третьей державѣ, указанной сообща сторонами.*

Если на этотъ предметъ не установится соглашенія между сторонами, послѣднія избираютъ—каждая свою державу, которыя уже совмѣстно назначаютъ общаго посредника.

По составленіи такимъ образомъ третейскаго суда [1]), *стороны сообщаютъ бюро о своей рѣшимости обратиться къ постоянному суду, а равно имена третейскихъ судей.*

Третейскій судъ собирается въ срокъ, указанный сторонами.

Члены постояннаго суда, пока они отправляютъ свою должность и находятся внѣ своей страны, пользуются привилегіями и правами дипломатовъ.

Ст. 25. *Третейскій судъ засѣдаетъ по общему правилу въ Гаагѣ.*

Это его мѣстопребываніе, кромѣ случаевъ чрезвычайной необходимости, можетъ быть измѣняемо лишь съ согласія сторонъ.

Въ англійскомъ проектѣ (ст. 4) суду въ этомъ вопросѣ давалась большая свобода и эта система предпочтительнѣе. „Судъ,—говорится тамъ,—имѣя опредѣленное мѣстопребываніе, можетъ засѣдать въ другихъ мѣстахъ измѣнять отъ времени до времени свое

---

[1]) Tribunal arbitral, въ отличіе отъ постояннаго суда, который называется Cour permanente.

мѣстопребываніе, смотря по обстоятельствамъ и удобствамъ или желанію сторонъ". Предпочтеніе, данное Гаагѣ, понятно, но съ объективной и дѣловой стороны мѣстопребываніе суда должно бы быть по общему правилу въ одномъ изъ городовъ Швейцаріи и лучше всего въ Бернѣ, гдѣ уже находятся главныя бюро международныхъ уній.

Ст. 26. *Международное бюро въ Гаагѣ уполномочено предоставлять свои помѣщенія и организацію державамъ для пользованія назначенною ими спеціальною третейскою юрисдикціею.*

Юрисдикція постояннаго суда можетъ быть, въ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ уставами, распространяема и на споры между державами, не подписавшими настоящій актъ, или между послѣдними и договорными сторонами, если только состоялось ихъ согласіе относительно обращенія къ этой юрисдикціи.

Это вызвано, по замѣчанію гр. Нигра, желаніемъ возможно большаго расширенія на практикѣ третейской юстиціи.

Ст. 27. *Державы признаютъ своимъ долгомъ, если бы между нѣкоторыми изъ нихъ грозило возникнуть острое столкновеніе, напомнить имъ о существованіи постояннаго суда.*

Но онѣ объявляютъ, что подобное напоминаніе и совѣтъ объ обращеніи къ постоянному суду, даваемый въ высшемъ интересѣ мира, должны считаться лишь добрыми услугами.

Настоящая статья введена, благодаря почину французской делегаціи. Но первоначально одинъ изъ ея членовъ, бар. д'Эстурнель, шелъ дальше и хотѣлъ предоставить международному бюро иниціативу такихъ предложеній. Въ обсуждаемыхъ шагахъ въ пользу мира онъ видѣлъ не право, а обязательство державъ, провозглашеніе котораго одно могло придать гаагскому акту должный вѣсъ и нравственную силу. Эта мысль о такой роли бюро,—замѣчаетъ Деканъ,—представляетъ ту выгоду, что она создавала нѣкоторый особый органъ, который, дѣйствуя отъ себя, при всей скром-

ной роли, могъ, однако, оказать извѣстное вліяніе на державы, не задѣвая ихъ. Тѣмъ не менѣе другія неудобства этого проекта заставили комитетъ, къ сожалѣнію, отъ него отказаться. Авторъ не говоритъ, какія это неудобства, но догадаться можно: все та же боязнь, какъ бы не стѣснить свободы державъ, хотя проектъ этотъ, по словамъ же Декана, ни въ чемъ не затрогивалъ спорящія государства (sans offusquer les Etats en conflit).

Также была отклонена мысль о предоставленіи обсуждаемой нами теперь мѣры странамъ нейтрализованнымъ.

Представители балканскихъ государствъ (Румыніи и Сербіи) и тутъ пытались ослабить принципъ ст. 27. Отчасти они, отправляясь отъ факультативнаго характера третейскаго суда, находили эту статью излишнею, отчасти боялись неодинаковаго приложенія ея по отношенію къ большимъ и малымъ государствамъ.

Гр. Нигра возразилъ на это, что на конференцію явились представители правительствъ, вполнѣ между собою равныхъ, и цѣль ихъ обсудить съ полною независимостью дѣло обезпеченія мира.

Цорнъ напомнилъ, что если его правительство отклонило обязательный третейскій судъ, оно готово все сдѣлать, однако, для поддержанія мира и поэтому ничего не можетъ возразить противъ ст. 27.

Одье полагалъ, что новой эрѣ соотвѣтствуютъ и новыя обязанности, въ силу чего нейтральныя государства въ наши дни должны активно вступаться за миръ [1]).

Но лучше всѣхъ значеніе ст. 27 выяснилъ Буржуа. „Представитель Сербіи,—сказалъ онъ,—выразилъ опасеніе, чтобъ эта статья не дала повода сильнѣйшей державѣ вмѣшаться въ дѣла слабѣйшей. Тогда она поступила бы не согласно съ этою статьей, а діаметрально противоположно ея цѣли и духу. Значеніе ея лежитъ

---

[1]) Les neutres doivent être de nos jours,—сказалъ онъ,—suivant une expression nouvelle. „pacigerants“.

не въ одной практической пользѣ, а еще гораздо болѣе въ пользѣ нравственной. Это заключается въ фактѣ признанія охраны мира среди народовъ—общимъ для всѣхъ долгомъ. Развѣ мало значенія имѣетъ то обстоятельство, что на этой конференціи, т.-е., не на собраніи теоретиковъ и философовъ, но на конференціи, составленной изъ оффиціальныхъ представителей почти всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, свободно и лишь подъ личною отвѣтственностью обсуждающихъ интересующій ихъ вопросъ, провозглашается это начало (мира), какъ международный долгъ, имѣющій отнынѣ утвердиться въ сознаніи народовъ и руководить дѣйствіями правительствъ и людей? Этимъ создается новая гарантія для слабыхъ противъ сильныхъ. Въ столкновеніяхъ силы, когда противостоятъ другъ противъ друга живые люди и стальныя орудія, есть великіе и малые, слабые и мощные. Если на чаши вѣсовъ бросаютъ мечи, одна можетъ перевѣсить другую. Но когда на нихъ кладутъ идеи и право, неравенство исчезаетъ, и права, хотя бы самаго малаго и слабаго, вѣсятъ на вѣсахъ справедливости столько же, какъ и права самаго сильнаго.

„Такова мысль, вызвавшая наше предложеніе, направленное болѣе всего къ защитѣ слабыхъ. Пусть же они ее поймутъ, какъ слѣдуетъ, и присоединятся къ нашимъ усиліямъ лучше обезпечить посредствомъ права будущность человѣчества“.

Эта блестящая рѣчь, покрытая громомъ рукоплесканій, послѣдствіемъ своимъ имѣла единогласное принятіе ст. 27.

Ст. 28. *Учреждается въ Гаагѣ постоянный административный совѣтъ* [1]) *изъ дипломатическихъ представителей договаривающихся державъ, аккредитованныхъ въ Гаагѣ, и изъ министра иностранныхъ дѣлъ Нидерландовъ, въ качествѣ его предсѣдателя, возможно скоро по утвержденіи настоящаго акта по меньшей мѣрѣ девятью державами.*

---

[1]) Conseil administratif permanent.

На этотъ совѣтъ возлагается попеченіе объ учрежденіи и устройствѣ международнаго бюро, имѣющаго оставаться подъ его руководствомъ и контролемъ.

Онъ доводитъ до свѣдѣнія державъ объ учрежденіи постояннаго суда и заботится о водвореніи послѣдняго; онъ вырабатываетъ для него порядокъ дѣлопроизводства, а равно и иные необходимые уставы; онъ рѣшаетъ всѣ административные вопросы, могущіе возникнуть при отправленіи судомъ его обязанностей; онъ обладаетъ всѣми полномочіями для назначенія, временнаго или окончательнаго удаленія членовъ и чиновниковъ бюро; опредѣляетъ имъ жалованья и вознагражденія и ведетъ контроль за всѣми расходами. Присутствіе пяти членовъ на собраніяхъ, правильно созданныхъ, достаточно для законности его засѣданій. Рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ.

Совѣтъ сообщаетъ державамъ безъ замедленія принятые имъ регламенты.

Онъ препровождаетъ имъ ежегодно отчеты о занятіяхъ постояннаго суда, о дѣятельности административныхъ лицъ, о движеніи и положеніи всѣхъ суммъ.

Мысль объ административномъ совѣтѣ была высказана также въ англійскомъ проектѣ (ст. 6), но первоначально предполагалось назначеніе его возложить на правительство страны, гдѣ будетъ пребывать судъ, и составлять его изъ пяти членовъ и секретаря. Затѣмъ Паунсфотъ внесъ ту редакцію [1]), которая, съ небольшими измѣненіями, и принята комитетомъ. По учрежденіи международнаго бюро этотъ совѣтъ можетъ показаться лишнимъ: его административныя функціи удобнѣе было бы возложить на бюро.

---

1) *Rapport.* p 1

Сообщеніе совѣтомъ державамъ регламентовъ, которые онъ выработаетъ, не требуетъ одобренія ихъ правительствами.

Ст. 29. *Расходы по бюро несутся державами въ пропорціи, установленной для этого относительно бюро всемірной почтовой уніи.*

ГЛАВА III.

О третейскомъ производствѣ.

До сихъ поръ, говоритъ Деканъ, не существуетъ общихъ юридическихъ правилъ, признанныхъ государствами, въ дѣлѣ третейскаго производства. Это ведетъ къ различнымъ замѣшательствамъ и спорамъ, устранить которые представляется особенно необходимымъ въ виду развивающейся въ наши дни третейской практики. Институтъ международнаго права еще въ 1874—75 гг. выработалъ проектъ устава о третейскомъ производствѣ [1]), который могъ бы послужить образцомъ для государства въ подходящихъ случаяхъ. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ обращалъ на себя вниманіе многихъ выдающихся юристовъ. Нынѣ можно выставить тутъ основныя, руководящія начала, опираясь одновременно на данныя науки и на указанія опыта за послѣднюю четверть столѣтія. Это и пытается сдѣлать настоящая конвенція въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ. Не слѣдуетъ забывать, что характеръ ихъ вспомогательный (régles

---

[1]) Онъ помѣщенъ въ приложеніяхъ къ „Учебнику междунар права"—Ривье, перев. Казанскимъ (1893 г.), стр. 324, слѣд.

auxiliaires), т.-е., стороны всегда удерживаютъ за собою свободу такъ или иначе отъ нихъ отступить и ихъ измѣнить.

Въ основаніе ихъ положенъ проектъ, представленный русской делегаціей [1]). На немъ лежитъ печать, говоритъ Деканъ, мудраго опыта, ибо онъ составленъ лицами, особенно свѣдущими въ этомъ дѣлѣ и преимущественно тѣмъ юристомъ (г. Мартенсомъ), въ которомъ мы признаемъ знаменитость по вопросамъ международнаго третейскаго суда. Высказанныя въ немъ начала подходятъ близко къ правиламъ процедуры [2]), которыхъ держался засѣдавшій въ нынѣшнемъ году, подъ предсѣдательствомъ Мартенса же, международный третейскій судъ въ Парижѣ по спору Великобританіи съ Венецулой.

Ст. 30. *Въ видахъ содѣйствія успѣхамъ третейскаго суда, державы установили нижеслѣдующія правила относительно его дѣлопроизводства въ тѣхъ случаяхъ, когда сторонами не предусмотрѣны другія правила.*

Ст. 31. *Державы, обращающіяся къ третейскому суду, подписываютъ спеціальный объ этомъ актъ (компромиссъ), въ которомъ онъ точно опредѣляютъ предметъ спора, а равно предѣлы полномочій третейскихъ судей. Въ этомъ актѣ заключается обязательство сторонъ добросовѣстно подчиниться третейскому рѣшенію.*

Ст. 32. *Должность третейскихъ судей можетъ быть поручена одному лицу, или нѣсколькимъ, назначаемымъ сторонами по ихъ усмотрѣнію, или избираемымъ ими изъ членовъ постояннаго третейскаго суда, установленнаго настоящимъ актомъ.*

---

[1]) Projet de Code d'arbitrage proposé par la délégation russe, изъ 26 статей (Rapport, p. 73—76)

[2]) Rules of procedure. Arbitration between the Governments of Her Britannic Majesty and the United States of Venezuela (Rapport, p 77—79).

При отсутствіи на этотъ предметъ согласія сторонъ, поступаютъ такъ:

Каждая сторона назначаетъ по два члена, и эти вмѣстѣ избираютъ общаго судью (surarbitre).

Въ случаѣ раздѣленія голосовъ, избраніе общаго судьи довѣряется нейтральной державѣ по общему указанію сторонъ.

Если бы въ послѣднемъ случаѣ не состоялось соглашенія сторонъ, каждая изъ нихъ избираетъ другую державу, и эти вмѣстѣ уже избираютъ общаго судью.

Повтореніе правилъ ст. 24.

Ст. 33. *Если въ третейскіе судьи избирается государь или глава государства, то онъ самъ опредѣляетъ порядокъ третейскаго производства.*

Эта статья, говоритъ Деканъ, внушена соображеніями высшаго приличія. Въ силу многихъ, однако, основаній желательно, чтобы въ третейскіе судьи не избирались главы государствъ, ибо это придаетъ излишнюю политическую окраску третейской юрисдикціи. Кромѣ того, слѣдовало бы за правило признать принципъ коллегіальности [1]), а не единоличности третейскаго суда.

Ст. 34. *Общій посредникъ по праву предсѣдатель суда.*

За отсутствіемъ таковаго въ составѣ суда, онъ избирается самимъ судомъ.

Ст. 35. *Въ случаѣ смерти, отставки или временнаго отсутствія, по какой бы то ни было причинѣ, одного изъ судей, онъ замѣщается тѣмъ же способомъ, какимъ былъ назначенъ.*

Предметъ этой статьи вызвалъ горячія пренія въ средѣ комитета. По русскому проекту указанные случаи лишали дѣйстви-

---

[1]) И при этомъ судъ долженъ состоять изъ нечетнаго числа лицъ (отъ 3 до 7 человѣкъ).

тельности весь компромиссъ. Говорили, что избраніе третейскихъ судей—дѣло чисто личнаго довѣрія и что, по выбытіи довѣрителя, довѣренность утрачиваетъ свою силу. Въ комитетѣ совершенно вѣрно одержало верхъ другое соображеніе: оградить, по возможности, дѣйствіе третейскаго суда отъ случайностей. Стороны, впрочемъ, остаются вольны, по замѣчанію Декана, высказать при указанныхъ случаяхъ недѣйствительность компромисса.

Ст. 36. *Мѣстопребываніе суда опредѣляется сторонами. Въ случаѣ ихъ молчанія объ этомъ, онъ засѣдаетъ въ Гаагѣ.*

Это мѣсто засѣданій, кромѣ случаевъ крайней необходимости, не можетъ быть перемѣнено судомъ иначе, какъ съ согласія сторонъ.

Ст. 37. *Стороны имѣютъ право назначать къ суду своихъ делегатовъ или спеціальныхъ агентовъ, служащихъ посредниками между ними и судомъ.*

Кромѣ того, они могутъ отряжать въ судъ, для защиты своихъ правъ и интересовъ передъ нимъ, совѣтниковъ и адвокатовъ.

Во время преній, по поводу этой статьи, выяснилось, что члены постояннаго суда не могутъ состоять агентами или адвокатами какой-либо державы передъ другимъ третейскимъ судомъ.

Ст. 38. *Судъ рѣшаетъ, на какомъ языкѣ происходятъ — судоговореніе и пренія передъ нимъ.*

Слѣдовало бы, по общему правилу, признать французскій языкъ господствующимъ во всѣхъ третейскихъ судахъ въ Европѣ; внѣ Европы,—смотря по государствамъ, и англійскій.

Ст. 39. *Третейское производство проходитъ вообще чрезъ двѣ стадіи: слѣдствіе и пренія. Слѣдствіе состоитъ въ сообщеніи агентами сторонъ членамъ суда и противной стороны всѣхъ печатныхъ или рукописныхъ актовъ и документовъ, на которые ссылаются въ дѣлѣ, какъ на доказательство. Это*

сообщеніе дѣлается по формѣ и въ сроки, опредѣленные судомъ въ силу ст. 49.

Пренія состоятъ въ устномъ изложеніи передъ судомъ доказательствъ, на которыя опираются стороны.

Ст. 40. *Всякій документъ, предъявляемый одною стороною, долженъ быть сообщенъ другой.*

Ст. 41. *Преніями руководитъ предсѣдатель. Они публичны лишь въ силу постановленія суда, принятаго съ согласія сторонъ. Они заносятся въ протоколы, которые составляются секретарями, назначенными предсѣдателемъ. Только этимъ протоколамъ принадлежитъ автентичный характеръ.*

Изъ этой статьи видно, что публичность засѣданій суда, не бывъ запрещенною, не возведена однако и въ правило. Согласіе на это сторонъ намъ представляется излишнимъ: это должно зависѣть исключительно отъ усмотрѣнія суда.

Ст. 42. *По заключеніи слѣдствія, судъ въ правѣ не допуститъ къ обсужденію всякій новый актъ или документъ, который желала бы внести одна изъ сторонъ безъ согласія другой.*

Ст. 43. *Судъ сохраняетъ возможность разсмотрѣть тѣ новые акты или документы, на которые агенты или повѣтники сторонъ обратятъ его вниманіе.*

Въ этихъ случаяхъ судъ въ правѣ потребовать предъявленія этихъ актовъ или документовъ, подъ условіемъ доведенія ихъ до свѣдѣнія противной стороны.

Ст. 44. *Судъ можетъ, кромѣ того, требовать отъ агентовъ сторонъ представленія всякихъ актовъ и объявленій, которые онъ найдетъ нужными. Въ случаѣ отказа, судъ это констатируетъ.*

Ст. 45. *Агенты и совѣтники сторонъ уполномочены представлять устно суду всѣ доказательства, которыя они считаютъ полезными для защищаемаго ими дѣла.*

Ст. 46. *Они имѣютъ право дѣлать отводы и возраженія. Рѣшенія суда по этимъ пунктамъ окончательны и не могутъ подать повода къ позднѣйшимъ обсужденіямъ.*

Ст. 47. *Члены суда имѣютъ право дѣлать вопросы агентамъ и совѣтникамъ сторонъ съ цѣлью полученія отъ нихъ разъясненія сомнительныхъ пунктовъ.*

Ни поставленные вопросы, ни замѣчанія, сдѣланныя членами суда во время пренія, не могутъ считаться выраженіями мнѣній суда въ цѣломъ или его членовъ въ отдѣльности.

Ст. 48. *Судъ уполномоченъ опредѣлять свою компетенцію при толкованіи компромисса, а равно иныхъ договоровъ, на которые могутъ ссылаться въ дѣлѣ и при примѣненіи принциповъ международнаго права.*

Чѣмъ болѣе третейскій судъ,—замѣчаетъ докладчикъ,—получитъ характеръ обще-признаннаго международнаго института, тѣмъ болѣе это право оцѣнки имъ предметовъ, входящихъ въ кругъ его вѣдомства, должно быть признано за нимъ. Стороны удерживаютъ, въ свою очередь, за собою возможность опредѣленія границъ его компетенціи и даже указанія ему принциповъ въ руководство его рѣшеній. Докладчикъ полагалъ полезнымъ добавить настоящую статью указаніемъ правилъ, по которымъ судьи должны были бы высказывать свои рѣшенія. Но это отклонено, какъ не входящее, строго говоря, въ третейскій процессъ.

Ст. 49. *Судъ имѣетъ право дѣлать распоряженія процессуальнаго характера: относительно хода дѣла, формъ и сроковъ, которыхъ должны держаться стороны при представленіи своихъ заключеній и формальностей, потребныхъ при пользованіи доказательствами.*

Взято изъ ст. 15 регламента международнаго права.

Ст. 50. *По представленіи агентами и совѣтниками сторонъ всѣхъ доказательствъ и разъясненій въ пользу ихъ дѣла, предсѣдатель объявляетъ пренія законченными.*

Ст. 51. *Совѣщанія суда происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.*

Свое рѣшеніе судъ постановляетъ большинствомъ голосовъ.

Отказъ члена въ присоединеніи къ рѣшенію долженъ быть занесенъ въ протоколъ.

Русскій проектъ говоритъ о большинствѣ голосовъ присутствующихъ членовъ, но это нашли недостаточнымъ.

Ст. 52. *Третейское рѣшеніе, состоявшееся по большинству голосовъ, должно быть мотивированнымъ. Оно излагается письменно и подписывается каждымъ членомъ суда.*

Члены меньшинства могутъ, подписывая, оговаривать свое несогласіе.

Въ русскомъ проектѣ не упоминалось о необходимости мотивировки третейскаго рѣшенія. Это добавлено по предложенію Цорна и на основаніи постоянной практики, придерживающейся этого начала. Но форма и границы исполненія этой мѣры допускаютъ на практикѣ большую широту.

Ст. 53. *Третейское рѣшеніе читается въ публичномъ засѣданіи суда въ присутствіи, или послѣ приглашенія, въ надлежащей формѣ, агентовъ и совѣтниковъ сторонъ.*

Ст. 54. *Третейское рѣшеніе, законно постановленное и сообщенное агентамъ спорящихъ сторонъ, рѣшаетъ окончательно и безапелляціонно споръ.*

Ст. 55. *Стороны могутъ, въ компромиссѣ, оговорить свое право требовать пересмотра третейскаго рѣшенія.*

Въ этомъ случаѣ и при отсутствіи другого соглашенія, просьба о пересмотрѣ должна быть внесена въ тотъ судъ, который постановилъ рѣшеніе. Она можетъ быть мотивирована открытіемъ новаго факта, который былъ бы способенъ оказать рѣшающее дѣйствіе на приговоръ, но который, въ моментъ заключенія преній былъ, неизвѣстенъ суду и сторонѣ, требующей пересмотра.

Ревизіонное производство можетъ открыться лишь въ силу рѣшенія суда, констатирующаго наличность новаго факта, признающаго за нимъ указанный характеръ и допускающаго въ силу этого прошеніе о пересмотрѣ.

Вопросъ о пересмотрѣ третейскихъ рѣшеній обсуждался долго въ средѣ комитета, а потомъ коммиссіи. Съ одной стороны, указываали принципъ справедливости, требующій, въ извѣстныхъ случаяхъ, пересмотра. Съ другой—выставляли необходимость окончательнаго характера третейскихъ приговоровъ и опасенія поколебать авторитетъ ихъ, если допустить пересмотръ.

По американскому проекту предоставлялось каждой сторонѣ право возбуждать вопросъ о вторичномъ слушаніи ея дѣла передъ тѣмъ же судомъ, въ трехмѣсячный срокъ по нотификаціи рѣшенія, если она можетъ выставить новыя свидѣтельства или вопросы права, не поднятые или не рѣшенные при первомъ слушаніи (ст. 7).

Редакція настоящей ст. 55 выработана по предложенію Буржуа. Относительно срока подачи ревизіоннаго прошенія говорили о 3—6 мѣсяцахъ. Гр. Нигра предлагалъ принятіе ст. 13 новѣйшаго итальянско-аргентинскаго договора [1])

---

[1]) Въ ней говорится: просьба о пересмотрѣ рѣшенія допускается передъ тѣмъ же судомъ до выполненія рѣшенія, если, во-первыхъ, при этомъ былъ представленъ фальшивый или невѣрный документъ; во-вторыхъ, если рѣшеніе въ цѣломъ или въ частяхъ является слѣдствіемъ фактическаго заблужденія,—положительнаго или отрицательнаго характера,—вытекающаго изъ актовъ или документовъ дѣла.

Русскій проектъ указывалъ на слѣдующіе поводы къ недѣйствительности третейскихъ рѣшеній: въ случаяхъ недѣйствительности компромисса, превышенія полномочій или доказанной продажности одного изъ третейскихъ судей (ст. 26). Эта статья взята изъ регламента института (ст. 27, въ которой добавлялось еще „или если судьи впали въ существенное заблужденіе“).

Ассеръ указалъ на необходимость найти учрежденіе, которое рѣшало бы эти споры о пересмотрѣ, а не предоставлять все одному усмотрѣнію государства, проигравшаго дѣло. Комитетъ не рѣшилъ всѣ эти важныя недоумѣнія, а высказалъ только надежду, что учрежденіе постояннаго суда поможетъ современемъ государствамъ найти правильный путь къ рѣшенію этихъ затрудненій. Безспорно, вопросы объ апелляціи и кассаціи третейскихъ рѣшеній должны получить правильную и строго-юридическую организацію. Наиболѣе подходящимъ было бы возложить это дѣло на постоянный третейскій судъ. Ревизіонная инстанція по составу должна быть иною, чѣмъ первая.

Ст. 56. *Третейское рѣшеніе обязательно лишь для сторонъ, заключившихъ компромиссъ. Если дѣло идетъ о толкованіи конвенціи, въ которой участвовали еще другія державы, кромѣ спорящихъ сторонъ, послѣднія извѣщаютъ первыя о заключенномъ ими компромиссѣ. Каждая изъ этихъ державъ имѣетъ право вступленія въ процессъ. Если одна или нѣкоторыя изъ нихъ этимъ воспользовались, то толкованіе, данное въ третейскомъ рѣшеніи, одинаково и для нихъ обязательно.*

Эта статья введена по почину Ассера, причемъ имѣли въ виду особенно конвенціи объ „универсальныхъ уніяхъ“.

Ст. 57. *Каждая изъ сторонъ несетъ собственные расходы и извѣстную равную часть издержекъ по содержанію суда.*

Это соотвѣтствуетъ установившейся практикѣ. Въ расходы на судъ входятъ и вознагражденія третейскимъ судьямъ. Есть расходы, которые для каждаго даннаго дѣла могутъ быть опредѣлены только судомъ. Относительно другихъ, постоянный административный совѣтъ выработаетъ ихъ расписаніе. Впрочемъ, все это можетъ современемъ установиться путемъ обычая.

Общія постановленія.

Ст. 58. *Настоящая конвенція утверждается въ возможно краткій срокъ.*

Ратификаціи ея сохраняются въ Гаагѣ

О передачѣ каждой ратификаціи составляется протоколъ, удостовѣренная копія съ котораго препровождается дипломатическимъ путемъ всѣмъ державамъ, имѣвшимъ своихъ представителей на мирной конференціи въ Гаагѣ.

Тѣ же условія объ утвержденіи высказаны и относительно двухъ другихъ конвенцій, принятыхъ въ Гаагѣ. Это, впрочемъ, общепринятыя правила о ратификаціи. Не сдѣлано оговорки объ одобреніи договора палатами, такъ какъ вопросъ объ этомъ отнесенъ къ внутренней компетенціи каждаго государства въ отдѣльности.

Ст. 59. *Державы, не подписавшія конвенцію, но имѣвшія своихъ представителей на конференціи, могутъ къ ней присоединиться. Объ этомъ имъ слѣдуетъ сообщить посредствомъ письменной нотификаціи, обращенной къ правительству Нидерландовъ, а послѣднее доводитъ это до свѣдѣнія всѣхъ прочихъ договорныхъ сторонъ.*

Ст. 60. *Условія, при которыхъ остальныя державы, не имѣвшія представителей на конференціи, получатъ возможность присоединиться къ настоящей конвенціи,—это составитъ предметъ позднѣйшаго соглашенія между державами.*

Двѣ послѣднія статьи вызвали не мало преній. Въ отличіе отъ двухъ остальныхъ гаагскихъ конвенцій, признанныхъ открытыми для присоединенія къ нимъ прочихъ державъ, настоящая конвенція допускаетъ такое свободное къ ней присоединеніе лишь для державъ, имѣвшихъ своихъ представителей въ Гаагѣ (ст. 59). Относительно же присоединенія прочихъ государствъ—не могли придти къ соглашенію, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть, ибо, по словамъ Ассера, сама природа этой конвнеціи требуетъ, повидимому, принятія широкой либеральной системы въ вопросѣ о присоединеніи къ ней. Поэтому ст. 60 никакъ не можетъ быть одобрена.

Ст. 61. *Если одна изъ договаривающихся сторонъ откажется отъ настоящей конвенціи, этотъ отказъ можетъ произвести свое дѣйствіе лишь годъ спустя по письменной нотификаціи ея объ этомъ къ нидерландскому правительству и по немедленномъ сообщеніи этого послѣднимъ всѣмъ остальнымъ договорнымъ державамъ.*

Отказъ этотъ произведетъ свое дѣйствіе только для той державы, которая о немъ сообщитъ.

Настоящая конвенція была подписана 29 іюля (н. ст.) въ Гаагѣ представителями 16 державъ изъ числа 26, имѣвшихъ на ней своихъ делегатовъ. Представители С. Штатовъ и Турціи внесли особыя декларації. Въ первой читаемъ: „настоящую конвенцію никакъ не слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, будто что-либо можетъ обязать С. Штаты отступиться отъ ихъ традиціонной политики, въ силу которой они воздерживаются отъ всякаго рода вмѣшательства (d'intervenir, de s'ingérer ou de s'immiscer) въ политическія дѣла, или во внутреннюю политику и управленіе

какого-либо чужого государства. Съ тѣмъ вмѣстѣ Штаты ни въ чемъ не отказываются отъ своего поведенія по вопросамъ чисто-американскмъ".

Делегація оттоманская, усматривая въ конвенціи актъ высокой честности и гуманности, направленный лишь къ укрѣпленію всеобщаго мира подъ условіемъ охраны интересовъ и правъ каждаго, заявляетъ, что она присоединяется къ этому проекту при слѣдующихъ условіяхъ: „1) Формально должно быть признано, что обращеніе къ добрымъ услугамъ, посредничеству, слѣдственнымъ коммиссіямъ и третейскому суду — чисто факультативное и ни въ какомъ случаѣ не можетъ сдѣлаться обязательнымъ или превратиться во вмѣшательство. 2) Турецкое правительство предоставляетъ себѣ обсужденіе тѣхъ случаевъ, когда оно сочтетъ согласнымъ со своими интересами обращаться къ этимъ средствамъ, причемъ, однако, заявляетъ, что его воздержаніе или отказъ отъ нихъ отнюдь не должны считаться прочими договорными государствами за поступокъ мало дружелюбный. Само собою разумѣется, что упоминаемыя средства ни въ какомъ случаѣ не примѣнимы къ вопросамъ внутренняго порядка".

Заключая свой прекрасный, обстоятельный докладъ, Деканъ такъ резюмируетъ дѣло третьей коммиссіи: „Охрана общаго мира честными и совмѣстными усиліями всѣхъ; добрыя услуги и посредничество, возведенныя въ надежное орудіе охраны и возстановленія мирныхъ сношеній; международныя слѣдственныя коммиссіи, устроенныя такъ, чтобы, не посягая на свободу, давать, однако, важныя гарантіи успѣха для предназначеннаго имъ дѣла; третейская юстиція, признанная широко, но не навязанная; установленіе постояннаго третейскаго суда, въ связи съ международнымъ бюро въ Гаагѣ и съ постояннымъ же тамъ совѣтомъ изъ дипломатическихъ представителей державъ; выработка третейскаго процесса

въ его главныхъ основныхъ чертахъ, — таковы результаты дѣла конференціи въ этой области, отвѣчающіе, безспорно, благороднѣйшимъ стремленіямъ нашего вѣка. Исторія современемъ поставитъ въ заслугу гаагской конференціи то, что она искренно и съ пользою потрудилась надъ дѣломъ укрѣпленія и организаціи мира подъ сѣнію справедливости".

